

Началось во вторник, 18 июня

Вторник для заседания Президиума ЦК день необычный. По заведенному расписанию, заседания проходили по четвергам или субботам. Видимо, «молотовцы» рассчитывали завершить дело к воскресенью.

Окончательно сложившийся расклад сил, казалось бы, не сулил отцу ничего хорошего. Против него объединились Молотов, Каганович, Ворошилов. На их сторону перешли Маленков, Булганин, Первухин и Сабуров, семь голосующих членов Президиума ЦК, причем трое из них – старейшие. С другой стороны – сам Хрущев, с ним Микоян и новички Суслов и Кириченко. Кандидаты в члены Президиума, избранные в последние годы: Жуков, Шепилов, Козлов, Брежнев, Шверник, Мухитдинов и Фурцева – поддерживали отца, но они не имели права голоса.

18 июня утром Маленков решил заранее поговорить с Жуковым. Особой надежды на успех он не питал, но попробовать заполучить на свою сторону министра обороны тоже не мешало. В любом случае они ничего не проигрывали, предупредить отца Жуков уже не успевал. А даже если предупредит, то тоже ничего не изменится, до заседания оставались считанные часы.

«В тот день, когда группа Маленкова – Молотова решила поставить на Президиуме ЦК вопрос о снятии Хрущева с поста Первого секретаря ЦК, утром мне позвонил Маленков и просил заехать к нему по неотложному делу, – рассказывает Жуков. – Считая, что Маленков выполняет какую-то работу по заданию Президиума, я немедленно поехал к нему. Маленков встретил меня очень любезно и сказал, что давно собирался поговорить со мной по душам о Хрущеве. Он коротко изложил свое мнение о якобы неправильной практике руководства со стороны Первого секретаря ЦК Хрущева, указав при этом, что Хрущев перестал считаться с Президиумом ЦК, выступает на местах без предварительного рассмотрения вопросов на Президиуме. Хрущев стал грубить старейшим членам Президиума, в частности Молотову,

Кагановичу, Ворошилову, Булганину и другим. В заключение он спросил, как лично я оцениваю создавшееся положение в Президиуме ЦК. Я спросил Маленкова:

– Маленков, вы от своего имени со мной говорите, или вам кем-то поручено со мной переговорить?

Маленков сказал мне:

– Я говорю с тобой как со старым членом партии, которого я ценю и уважаю. Твое мнение для меня очень ценно.

Я понял, что за спиной Маленкова действуют более опытные и сильные личности. Маленков явно фальшивит и не раскрывает настоящей цели разговора со мной. Я сказал Маленкову:

– Поскольку у вас возникли претензии к Хрущеву, я советую вам пойти к Хрущеву и переговорить с ним по-товарищески. Я уверен, он вас поймет.

Маленков:

– Ты ошибаешься. Не таков Хрущев, чтобы признать свои действия неправильными и тем более исправить их.

Я ему ответил, что думаю, что вопрос постепенно утрясется. На этом мы и распрощались. Через несколько часов меня срочно вызвали на заседание Президиума ЦК. В коридоре Президиума я встретил А. И. Микояна и Е. А. Фурцева. Они были в возбужденном состоянии. Микоян сказал:

– В Президиуме образовалась группа недовольных Хрущевым, и она потребовала сегодня же рассмотреть вопрос о Хрущеве на Президиуме. В эту группу входят Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин, Маленков и Первухин.

Я ему рассказал о состоявшемся разговоре с Маленковым. Микоян сообщил, что они час тому назад и с ним разговаривали».

(Восстанавливая как последовательность, так и сущность событий 18–22 июня 1957 года, я воспользовался рассказами отца, а также опубликованными в разное время документами и воспоминаниями участников заседаний Президиума и Пленума ЦК. Естественно, все они субъективны, но, соединенные вместе, позволяют сложить фрагменты в единую картину.)

После утреннего разговора с Маленковым Жуков с отцом не связывался и уехал по своим военным делам в подмосковный Солнечногорск. О планируемом на вторую половину дня заседании Президиума ЦК Маленков ему не сказал. Видимо, поняв, что Жуков не с ними, Маленков решил поставить его перед фактом: они собрались, быстренько проголосовали судьбу отца. Что после драки кулаками махать?

Слишком примитивно? Но почему мы должны все усложнять? За последние двадцать пять лет решения высшего партийного органа не оспаривал никто. Даже Ягода с Ежовым, не сомневавшиеся, что их перемещения из Госбезопасности на менее важные посты – лишь прелюдия к смертному приговору. Знали, но ничего не предпринимали. Так почему Жуков поступит иначе, вступится за Хрущева? Да и кто ему этот Хрущев?

Так или иначе, но к началу заседания Президиума ЦК Жукова в Кремле не было.

О том, чем отец занимался 18 июня, он сам через несколько дней подробно рассказал послу Югославии в Москве Велько Мичуновичу, а тот, как и полагается послу, немедленно записал все услышанное и отправил доклад Тито. Копию этого послания он привел в своей книге.

Хочу пояснить, почему отец так откровенничал с Мичуновичем, представителем другого, пусть и дружественного государства. Не следует забывать, что одной из инициатив отца, вызвавшей серьезные столкновения с Молотовым, явилось его стремление к восстановлению взаимопонимания с Тито. Но у него не все получалось так, как хотелось. Тито держал дистанцию, постоянно и подчеркнуто демонстрировал свою приверженность поли-

тике неприсоединения. Отец не терял надежды уговорить югославов и для этого использовал любую возможность. Письмами многого не добиться, считал отец, он отдавал предпочтение живой беседе. Его собеседником стал югославский посол, человек из близкого окружения Тито, что, естественно, очень важно. Но еще важнее, что Велько Мичунович, человек умный и контактный, отцу нравился. У них установились очень доверительные отношения. На дипломатических приемах отец часами один на один где-то в углу зала беседовал с Мичуновичем. Однажды, не наговорившись, даже предложил подвезти посла на своей машине в его резиденцию в Хлебном переулке. Доехали быстро, а вот «договаривали», сидя в лимузине на десятиградусном морозе, далеко за полночь. В конце концов жена посла не выдержала и пригласила их в дом отогреться за чашкой чая.

Мичунович оказался единственным человеком, которому отец рассказал в деталях о происшедшем.

Хрущев, как пишет Мичунович, почувствовал что-то неладное еще во время их совместного с Булганиным пребывания в Финляндии, но не придал этому особого значения.

18 июня, от часа до двух дня, отец обедал дома. От стола его оторвал телефонный звонок Булганина.

– Никита, приезжай сюда, в Кремль, проведем заседание Президиума ЦК, – с ходу заявил он отцу.

Говорил Булганин необычно кратко и сухо, словно боялся чего-то.

– Николай, что за срочность? – удивился отец.

– Надо обсудить выступления в Ленинграде на 250-летнем юбилее со дня основания города, – ответил Булганин.

– Ну, это мы успеем сделать в четверг. В Ленинград нам ехать только в пятницу, к тому же в прошлую субботу мы уже обо всем условились, кто где выступает, даже сколько времени. О чем нам еще говорить? Я только что освободился от интервью с японцем,⁴² ты, наверное, помнишь, главным редактором «Асахи Симбун», а сразу после обеда, в три часа, у меня встреча с делегацией венгерских журналистов, – сопротивлялся отец.

– М-да, действительно, время еще есть, можно все и завтра обсудить, – Булганин явно не знал, что ему сказать еще.

– Вот и хорошо, Николай, я тебе после венгров позвоню, и мы все окончательно проясним. А сейчас извини, у меня суп остывает, – поспешил отец закончить разговор.

Не успел он положить трубку и вернуться к прерванному обеду, как вновь зазвонила кремлевская «вертушка». Отец раздраженно бросил на стол салфетку, поднялся из-за стола и прошел в гостиную к столику с телефонами. Снова звонил Булганин.

– Ну что там еще случилось? – недовольно спросил отец. – Мы же уже, кажется, обо всем договорились.

– Понимаешь, Никита, – в голосе Булганина перемежались привычная неуверенность в себе с несвойственной ему настойчивостью, – тут мы собрались, обедаем в Кремле, все считают необходимым немедленно начать заседание Президиума ЦК.

– Кто это мы? – спросил отец.

– Все, кто здесь обедает, – ответил Булганин.

– Но обедающие в Кремле и Президиум ЦК – это не одно и то же, – начинал сердиться отец.

– Одну минутку, – торопливо произнес Булганин, и голос его в телефонной трубке замолк на время, пока Булганин транслировал «всем собравшимся в Кремлевской столовой» полученный ответ.

⁴² Интервью Н. С. Хрущева главному редактору газеты «Асахи Симбун» Томоо Хироока было опубликовано в «Правде» от 19 июня 1957 г.

Отец уже понял, что затевается нечто более серьезное, чем обсуждение хода предстоящего празднования в Ленинграде, а следовательно, надо срочно ехать в Кремль, разбираться в обстановке.

– Никита, очень тебя прошу, приезжай, – снова зазвучал в трубке голос Булганина, – все тебя ждут.

Отец сделал вид, что сдается, сказал, что он сейчас дообедает и приедет. В Кремле он застал практически весь наличный состав Президиума ЦК. Импровизированное заседание началось буквально за обеденным столом. Из-за внезапности на нем в тот день присутствовало только восемь членов: Молотов, Маленков, Булганин, Каганович, Ворошилов, Первухин, Микоян, отец и три кандидата в члены Президиума ЦК секретари ЦК: Брежнев, Фурцева и Шепилов. Отсутствовали члены Президиума: Первый секретарь компартии Украины Кириченко, секретарь ЦК Суслов, заместитель председателя Совета Министров Сабуров и кандидаты: Шверник (Председатель Комиссии партийного контроля), Мухитдинов (Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана), Козлов (секретарь Ленинградского обкома), Жуков (министр обороны).

По сложившейся практике, на рутинные заседания Президиума ЦК собирались только те его участники, кто в тот день находился в Москве. Остальным документы рассылались для ознакомления, а если требовалось, то для заочного голосования «опросом».

18 июня в Киеве Кириченко на Пленуме Украинского ЦК докладывал по вопросам сельского хозяйства. Сабуров возглавлял советскую делегацию на заседании Исполкома СЭВ в Варшаве. Суслов, еще в конце мая ушел в отпуск. Шверник представлял Москву на праздновании 400-летия добровольного вхождения Башкирии в состав России. Жуков уехал в Солнечногорск. Козлов по уши увяз в организации мероприятий по случаю 250-летнего юбилея Ленинграда. На самом деле 250 лет исполнилось в 1953 году, но в год смерти Сталина было не до юбилейных торжеств. Козлов предложил отметить задним числом, празднество наметили на 22 июня, ожидали приезда на них чуть ли не всего Президиума ЦК.

Секретарей ЦК, не членов и не кандидатов в члены Президиума – Аристова, Беляева и Пospelова на заседание вообще не позвали. Их и раньше туда без конкретной надобности не приглашали.

Не успел отец сесть на свое обычное место за обеденным столом, как Молотов набросился на него с упреками. Его «возмутило», что Президиум ЦК не рассматривал и не утверждал тезисы-призывы по случаю юбилея Ленинграда.

– Все-таки здорово вы запрятали ленинградские тезисы, – упрекнул он отца.

Это «вы» резануло слух. Они с отцом уже три года, как перешли на ты и, несмотря на все столкновения и разногласия, не изменяли формы обращения друг к другу.

– Что это ты, Вячеслав, вдруг на вы перешел? – не удержался отец.

Оказалось, что Молотов обвиняет в «сокрытии» тезисов не одного отца, но и его «сообщника» Микояна.

– Но ведь мы никогда не утверждали подобные документы, ни при Сталине к 800-летию Москвы, ни недавние, посвященные 400-летию Башкирии, – удивился отец, – это дело обкомов. И вообще, ленинградские тезисы газеты опубликовали еще в апреле, а сейчас июнь на дворе.

Не отвечая отцу, Молотов сыпал новые претензии, требовал рассмотреть на Президиуме тексты предстоящих выступлений в Ленинграде и затем придерживаться их слово в слово, буква в букву.

– А то получится, как у писателей, – почти выкрикнул Каганович, – или на выставке.

Услышав слово «выставка», Молотов тут же переключился с Ленинграда на недавнее выступление отца на открытии ВДНХ, тоже самовольное, не рассмотренное Президиумом ЦК. Молотова особенно возмутили признания, что половину всего скота содержат едино-

личники, что у них же отмечен наибольший рост продуктивности, что из-за отсутствия кормов молодняк пускают под нож. Говорить обо всем этом с трибуны он считал преступлением, раньше за такое... Тут Молотов запнулся, не зная, чем закончить фразу.

– Недопустимо, – пришел на помощь Вячеславу Михайловичу Каганович.

– Что недопустимо? – возмутился в свою очередь отец. – Правду народу говорить недопустимо?

К отцу присоединился Микоян. Сторону Молотова держали все остальные. Говорили перебивая, не слушая друг друга, потом перешли на крик. Молотов требовал немедленного официального открытия заседания Президиума ЦК. Отец не возражал, но сослался на предстоящую встречу с венгерскими журналистами в три часа дня. Переносить ее уже поздно, да и ненужные слухи поползут по Москве.

– Почему ты один встречаешься с журналистами? – возмутились обедавшие. – Это противоречит принципам коллективного руководства.

– Но мы все заранее обговорили на Президиуме, есть соответствующее решение, – парировал отец. – И не получится ли смешным, если мы всем Президиумом ЦК пойдем давать интервью журналистам?

Упоминание отцом решения Президиума ЦК возымело действие, открытие заседания отложили, но к журналистам, несмотря ни на что, решили идти всем скопом.

Оказавшись в этой суете рядом с Фурцевой, Микоян прошептал ей на ухо: «Надо срочно вызвать Жукова, Сабурова, Аристову, сообщить Серову, здесь затевается что-то нехорошее и очень опасное». Екатерина Алексеевна выскользнула из столовой, заскочила в ближайший свободный кремлевский кабинет и позвонила в Министерство обороны. Дежурный доложил ей, что маршал в Солнечногорске. Когда Фурцева дозвонилась туда, ей ответили, что Жукову уже звонил Маленков, и он срочно отбыл в Москву.

Видимо, после утреннего разговора у Георгия Максимилиановича сложилось впечатление, что Жуков, если и не на их стороне, то в какой-то степени разделяет их позицию. Судя по всему, Маленков звонил Жукову примерно в то же время, когда Булганин вызывал из дома отца.

Так что Фурцева опоздала, в момент ее разговора с Солнечногорском Жуков, согласно его собственным словам, уже несся в Москву «со скоростью 120 километров в час, но он опоздал на целый час». На целый час по отношению к чему? Видимо, к началу обеда, потому что в три часа на встречу с венграми кроме отца отправились Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Жуков, Брежнев, Шепилов, Фурцева – все наличные восемь членов и четыре кандидата в члены Президиума.

В выступлении на Пленуме ЦК Шепилов утверждал, что это он, обнаружив отсутствие Жукова на заседании Президиума ЦК, бросился его разыскивать, позвонил в Министерство обороны адъютанту, потом в секретариат Президиума ЦК Чернухе. Одновременно Шепилов признался, что на обеде в Кремле, где все начиналось, он не присутствовал. Концы с концами не сходятся.

Итак, в 3 часа началась встреча с венгерскими журналистами, но не с Хрущевым, как предполагалось, а с двенадцатью членами и кандидатами в члены Президиума ЦК. Такое ничем не объяснимое «нашествие» членов высшего руководства изумило венгров.

Долго рассаживались, мест интервьюируемым не хватило, пришлось принести стулья из соседних кабинетов. Первый вопрос задали о росте сельскохозяйственной продукции. Отец держал все цифры в голове, но не торопился отвечать, предоставил слово Булганину. Отца столько раз обвиняли, что он не дает Булганину рта открыть, вот пусть и поговорит. Булганин стал озиаться, ожидая, что отец (или кто-нибудь другой) придет ему на помощь. Помощь не пришла.

– В результате принятых нами мер мы ожидаем существенное продвижение вперед, – промямлил он и, посмотрев на отца, вдруг произнес, – об остальном нам расскажет товарищ Хрущев.

Отец удовлетворенно обвел взглядом членов Президиума. И начал сыпать цифрами, приводить примеры. Журналисты, уткнувшись в блокноты, строчили перьями. Члены Президиума сидели молча, скучали. С самого края, у двери устроились «новички» Брежнев и Фурцева. Фурцева шепотом передала Брежневу просьбу Микояна связаться с Сабуровым, Кириченко, Серовым и еще с кем удастся из сторонников отца. Леонид Ильич кивнул головой и, приоткрыв дверь, выскользнул в коридор. Тут Брежнев, по собственным словам, «припустил» к ближайшему свободному кабинету с телефоном.

Брежнев обожал «висеть» на телефоне, так он ощущал себя в центре событий. Не теряя времени, Брежнев заказал по спецсвязи Варшаву, вызвал Сабурова с совещания Исполкома Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), сказал: «С Хрущевым беда, бросай все и возвращайся в Москву». Леонид Ильич звонил не тому и не туда, он не знал, что Сабуров уже не с ними, а с «молотовцами».

Сабуров, вопреки ожиданиям Брежнева, выслушал его спокойно, на эмоциональный призыв «спасать Хрущева», никак не отреагировал, коротко поблагодарив за информацию, сказал, что немедленно вылетает в Москву. Максим Захарович торопился, если Хрущева снимут уже сегодня, он может опоздать к переделу власти. Своему заместителю по делегации, Косыгину, Сабуров сказал, что летит домой по семейным делам, что-то там случилось. Косыгину Сабуров не доверял, считал, что тот встанет на сторону Хрущева.

Затем Брежнев позвонил Кириченко. Последний в этот момент выступал на Пленуме ЦК Компартии Украины и подойти к телефону никак не мог. Брежнев настоял, чтобы Кириченко передали записку, пусть объявит перерыв, дело не терпит отлагательства.

– Чего тебе? – не здороваясь, пробурчал в трубку Кириченко, Брежнева он недолюбливал, считал вертопрахом.

– Алексей, тут такое началось, не могу тебе объяснить по телефону, – заторопился Брежнев, – бросай все и вылетай немедленно, а то поздно будет.

– Ничего не понимаю, – рассердился Кириченко.

– И понимать нечего, вылетай, а то поздно будет, – настаивал Брежнев.

– Ладно, буду, – согласился наконец Кириченко. Не столько слова, сколько панические интонации в голосе Брежнева подсказали ему, что следует торопиться.

«Я вылетел через час-полтора после звонка», – рассказывал впоследствии Кириченко.

Оставались Аристов и Серов. Аверкий Борисович пообещал приехать в Кремль, но посетовал, что на заседание Президиума его могут просто не пустить, не положено, но он постарается держаться поблизости. Генерал Серов в ответ на взволнованное сообщение Брежнева только хмыкнул. Он не сомневался: что-то подобное вот-вот должно случиться. Мухитдинову Брежнев не позвонил, скорее всего, просто забыл. Они друг друга почти не знали. Беляеву с Пospelовым он тоже звонить не стал, с одной стороны – толку от них немного, а с другой – еще неизвестно, какую позицию они займут.

Покончив со звонками, Брежнев, как ему казалось, незаметно протиснулся в комнату, где уже заканчивалась встреча с журналистами.

Но это только ему казалось, что незаметно. В четыре часа, распрощавшись с венграми, все направились в зал заседаний Президиума. В коридоре Каганович легонько взял под руку Брежнева и с любезной подозрительностью в голосе осведомился:

– Куда это вы, товарищ Брежнев высказывали? Где мотались?

Внезапное исчезновение Брежнева, всегда стремившегося не пропустить ни одного сколько-нибудь важного события, его насторожило.

– Извините, Лазарь Моисеевич, живот схватило, жуткое расстройство, целый час просидел в туалете, – соврал Брежнев.

Каганович недоверчиво покачал головой, демонстративно втянул ноздрями воздух и недобро хохотнул:

– Медвежья болезнь.

У Брежнева засосало под ложечкой и на самом деле резко и неожиданно прихватило живот. Не обращая больше внимания на Лазаря Моисеевича, он припустил по коридору в сторону кремлевского туалета. Каганович недоверчиво следил за ним, пока Леонид Ильич не скрылся за белой, крашенной масляной краской, дверью.

Если верить Леониду Ильичу, не один Каганович заметил его отсутствие, Молотов и Первухин тоже попытались выяснить, где он пропадал во время встречи венграми.

– Я ответил им на это должным образом, сказал, что у меня внезапное расстройство, и я все это время просидел в уборной, – через несколько дней рассказывал Леонид Ильич.

На самом деле Кагановича Брежнев не особенно беспокоил. Бог с ним, кому-то наверняка звонил, все это не важно, твердое большинство на их стороне. По мнению Кагановича, плохо другое: с этими журналистами потеряли целый час, а дело надо решить, как и уговаривались, сегодня до шести часов вечера, по крайней мере, до половины седьмого. В семь они идут на прием к египтянам. Оставалось два часа. Для соблюдения процедуры все члены Президиума должны выступить, иначе нельзя, какое же это тогда коллективное руководство? Они все так скрупулезно рассчитали: оперативно обсудить и проголосовать смещение Хрущева, заменить его Молотовым, одновременно в КГБ сменить Серова на Булганина. В течение последующих дней основательно «почистить» кадры в Москве и через пару недель на Пленуме ЦК утвердить все изменения. И вот с первого же момента план забуксовал на венграх. Они впустую растратили время, потеряли темп.

Когда после группового интервью члены и кандидаты в члены Президиума ЦК переместились в зал заседаний, отец, как обычно, занял председательское место.

– О чем будем говорить? – властно произнес он. Такая расстановка в планы оппозиции не входила.

– Я выступаю по поручению группы товарищей, членов Президиума, – первым, как они условились заранее, начал говорить Маленков. – Мы предлагаем до разговора о поездке в Ленинград обсудить вопрос о товарище Хрущеве, и, поскольку речь идет лично о Хрущеве, я предлагаю, чтобы на этом заседании Президиума ЦК председательствовал не Хрущев, а Булганин.

– Правильно, правильно, – загалдели Молотов, Каганович, Булганин, Ворошилов и Первухин.

Микоян, Жуков, Фурцева и другие сторонники отца возражали, согласно протоколу председательствовать – обязанность Первого секретаря ЦК, то есть Хрущева, но их не слушали.

«Молотовцы» предложили голосовать. Так они тоже заранее условились. Проголосовали: шесть «молотовцев» – «за», двое, отец с Микояном – «против».

Отец молча пересел с кресла председательствующего на одно из свободных мест. На председательское кресло сел Булганин, выглядел он не очень уверенно: медлил, озирался по сторонам. Его замешательством воспользовался отец, сказав, что негоже обсуждать его, Первого секретаря ЦК, при неполном кворуме Президиума и в отсутствие других секретарей. Снова заспорили.

– Кворум есть: восемь членов Президиума плюс четыре кандидата. Что еще требуется? Текущие вопросы можно решать и в таком составе, – горячился Каганович.

Он лучше кого бы то ни было понимал, какую опасность таит в себе любое промедление.

– Ничего себе текущий вопрос, – возмутился отец. Его поддержал Микоян. Они настаивали: обсуждение, касающееся Первого секретаря ЦК, первого лица в государстве, требует не просто кворума, а присутствия абсолютно всех членов высшего руководства. Препирались почти два часа, время подходило к шести, а в семь надо быть на приеме. Кагановичу стало ясно, что сегодня судьбу отца уже не решить, а как дела сложатся завтра, одному Богу ведомо.

– Если вы отказываетесь вызывать остальных, мы вообще откажемся принимать участие в заседании, попросту уйдем отсюда, – вмешался в спор молчавший до того Жуков. «Молотовцы» могли проголосовать и без Жукова, к тому же, согласно уставу, он вообще не имел права голоса, и, тем не менее, его угроза, пустая по своей сути, возымела действие. Булганин дрогнул, повисла пауза, и ею немедленно воспользовался отец. Он повторил, что заседание необходимо перенести на следующий день, Президиум «далеко не в сборе, не все его члены присутствуют при обсуждении столь важных дел», а судя по постановке вопроса, придется принимать решения, голосовать. Отца поддержали его сторонники, вновь возникла словесная перепалка, все пошло по второму кругу.

– Кандидаты в члены Президиума пусть голосуют за отсутствующих членов, – цеплялся за соломинку Каганович.

Он твердо считал, надо проголосовать сегодня, и в этом варианте на их стороне большинство. Все четыре кандидата: Брежнев, Жуков, Фурцева и Шепилов стояли за отца, но голосов они могли отдать только три, взамен Кириченко, Сабурова и Суслова. Получалось пять против шести. «Молотовцы» выигрывали вчистую. Слова Кагановича потонули в шуме протеста, говорили, вернее, кричали, все разом, сторонники Хрущева требовали переноса совещания на следующий день и никакого голосования сегодня.

– Напоминаю, сегодня в семь вечера утвержденное Президиумом ЦК, – воспользовавшись паузой, вмешался в перепалку отец, сделав акцент на слове «утвержденное», – посещение приема в египетском посольстве по случаю Дня независимости. Президиум предписал, – отец снова подчеркнул «предписал», – появиться там мне, Булганину, Микояну и Шепилову. Наше отсутствие на приеме вызовет ненужные кривотолки. Час начала приема определен: 7 часов вечера.

– На сегодня назначено торжественное заседание, посвященное 75-летию Георгия Димитрова, – поддержала отца Фурцева.

Уже было объявлено, что она его откроет и останется в Президиуме.

«Молотовцы» заколебались, сор из кремлевской избы им выносить не хотелось, к тому же время позднее, а выступить должны все. Булганин, человек на их несчастье мягкий и нерешительный, казалось, с облегчением воспринял идею отодвинуть все неприятности на завтра, объявил перерыв в заседании Президиума ЦК до полудня 19 июня. Каганович попытался возразить, но, взглянув на часы, только махнул рукой.

Поручили Общему отделу ЦК вызвать на завтра отсутствовавших членов и кандидатов в члены Президиума, а также пригласить секретарей ЦК. До двенадцати они все должны успеть добраться до Москвы.

«Молотовцы» ничем не рисковали, Сабуров на их стороне, с его появлением их преимущество только укрепит, счет станет семь против четырех. Для удобства арифметических подсчетов напомним: на 18 июля 1957 года кандидатами в члены Президиума ЦК являлись секретари ЦК КПСС Брежнев, Фурцева, Шепилов, министр обороны Жуков, секретарь ЦК Компартии Узбекистана Мухитдинов и Председатель КПК Шверник. Секретарей ЦК, не членов и не кандидатов в члены Президиума насчитывалось всего три: заядлый рыбовод Аверкий Борисович Аристов, «сельскохозяйственник» Николай Ильич Беляев и один из соавторов Сталина по «Краткому курсу истории ВКП(б)» и одновременно составитель записки о преступлениях Сталина академик-идеолог Петр Николаевич Поспелов. На Президи-

диуме никто из них не голосует, а их присутствие, по мнению «молотовцев», придаст заседанию больше веса.

Около шести часов вечера Кремль опустел. Отец с Булганиным, в сопровождении Микояна и Шепилова, отправились в Египетское посольство на прием, Фурцева – в Большой театр, остальные... Что делали остальные, собрались ли обговорить стратегию поведения на завтра или попросту поехали на дачи ужинать, я не знаю. Скорее, первое.

А тем временем в Москву начали прибывать участники завтрашнего заседания. Первым из Киева прилетел Кириченко.

«18 июня идет Пленум Центрального Комитета Компартии Украины. Вдруг тревожный звонок: немедленно в Москву. Через час – максимум полтора, вылетаю. Прилетаю в Москву, еду в ЦК к товарищу Хрущеву, – делится своими воспоминаниями Алексей Илларионович. – Он на каком-то приеме. Я – в Секретариат. Все секретари ЦК в сборе.

– В чем дело, товарищи? – спрашиваю. Они мне все рассказывают о заседании: Хрущев не председательствовал и прочую “технологию”. Говорят, что Хрущева хотят отстранить, Серова – освободить.

У меня волосы дыбом. Снова звоню Хрущеву. Нет его ни дома, ни на даче. Звоню Булганину, знаю, что он друг товарища Хрущева, они всегда обнимаются: “Никита”, “Коля”.

– Николай Александрович, в чем дело? – спрашиваю его. – Говорят, Хрущев не председательствовал на Президиуме?

– Не председательствовал, – отвечает Булганин, – потому, что мы его обсуждаем. Завтра все узнаете. На завтрашнем заседании все решим.

Вот такая ситуация».

Сабуров прилетел из Варшавы поздно ночью, около двух часов, и сразу поехал домой. Звонить он никому не стал. Его разыскал Микоян. Анастас Иванович не знал, что Михаил Захарович свой выбор уже сделал, и рассчитывал склонить Сабурова на сторону «хрущевцев». Договорились встретиться следующим утром. Они встретились в кабинете Микояна в Кремле, но разговора не получилось. Сабуров отвечал Микояну уклончиво: он против изменения состава Президиума, но в то же время...

Выйдя от Микояна, Сабуров бросился к Первухину разузнать, что происходило вчера и какова последняя расстановка сил, ему он доверял больше других. Благо кабинеты Микояна и Первухина располагались по соседству. Но Первухина на месте не оказалось, секретарь сказал, что он с раннего утра сидит у Булганина. Сабуров пошел к Булганину, но его на месте не нашел. Николай Александрович совещался с товарищами в «ореховой комнате», предбаннике зала заседаний Президиума ЦК. Там Сабуров обнаружил кроме Первухина еще Молотова с Маленковым и Кагановича.

Разговор шел о предстоящем заседании Президиума ЦК.

– Максим, если мы не уберем их сейчас... – без обиняков обратился Маленков к Сабурову.

Сабуров отметил, что он впервые за все эти годы назвал его Максимом, как бы подчеркивая наступившее между ними равенство. А то все: «Товарищ Сабуров, товарищ Сабуров». Он быстро сориентировался, на чьей стороне большинство и без колебаний подтвердил свою позицию: он с ними. От Хрущева следует избавиться.

В этот момент в «ореховую комнату» заглянул Микоян. Он перепутал время начала заседания Президиума, посчитал, что все должны собраться не к двенадцати, а в одиннадцать. Сейчас же уже 11.15.

Появление Анастаса Ивановича застало собравшихся врасплох. Булганин занервничал, спросил: «Откуда ты узнал, что мы здесь? Тебе Серов сказал?» Микоян в свою очередь ничего не понял и поинтересовался, не опоздал ли он. Продолжать разговор при Микояне «молотовцы» не сочли возможным, и Булганин предложил перейти в зал Президиума ЦК.

– Это было как раз в 11.30 утра. Мы все пошли на заседание, – спустя несколько дней Сабуров рассказывал Пленуму ЦК.

Мне непонятно, почему отец рассчитывал на поддержку Сабурова. Даже не зная о его договоренности с «молотовцами», после провала плана 6-й пятилетки и освобождения Сабурова от должности председателя Госэкономкомиссии, он к тому не имел серьезных оснований. Скорее всего, отец слишком понадеялся на антисталинизм Сабурова. Но властные амбиции оказались сильнее, сталинисты-«молотовцы» обещали Михаилу Захаровичу возвращение в реальную власть, а Хрущев... Сабуров выбрал власть.

Суслов прилетел из Крыма рано утром, чуть ли не на рассвете. Поспать ему удалось всего часа два-три, в девять он уже появился в ЦК, как обычно собранный, сухой, неулыбчивый и сразу прошел в кабинет к отцу. Разговаривали они недолго, Суслов прекрасно разбирался в обстановке в Президиуме ЦК. Он с порога заверил отца, что тот может на него всецело рассчитывать, он не подведет. Собственно, выбора Суслову судьба не предоставила, в случае поражения отца его тоже прочили в министры, но не сельского хозяйства, а культуры. И тоже на первых порах, а там...

Утром 19 июня на «Красной стреле» из Ленинграда приехал Козлов. Чуть позже возвратился из Уфы Шверник.

А вот как Нуритдин Акрамович Мухитдинов описывает обстоятельства своего прибытия в Москву. «18 июня на рассвете позвонил Малин, заведующий Общим отделом ЦК, и передал поручение: срочно, сегодня же, прилететь в Москву, спецсамолет из правительственного отряда уже должен быть в Ташкенте. Помощник выяснил в аэропорту – действительно, самолет готов. Думая, что речь идет о торжествах в Ленинграде, я поручил управделами погрузить в самолет подарки».

Нуритдин Акрамович ошибся на один день. 18 июня, да еще на рассвете, с учетом того, что ташкентское время на три часа впереди московского, звонить ему никто не мог. В Москве тогда еще все спали, и ни отец, ни «молотовцы» не знали, что произойдет через несколько часов в кремлевской столовой. Такие ошибки естественны, в памяти сохраняются более или менее четко события, а уж даты приходится восстанавливать по архивным источникам. По себе знаю, насколько это кропотливое и трудное занятие. «Точно помнится», а начинаешь проверять... Так что ошибка в один день простительна.

Мухитдинову звонили из Москвы 18 июня, но поздно вечером или ночью, с учетом трех часов сдвига, в Ташкенте уже вполне мог забрезжить рассвет следующего дня. Перелет на Ил-14 из Ташкента в Москву занимал часов шесть-восемь.

В тот вторник я ничего не подозревал. В шестидесяти километрах от Москвы, в Загорске, жизнь текла как обычно – наспех позавтракали стаканом кефира с хлебом и поспешили на завод. Там нас, практикантов, старались распихать по цехам так, чтобы мы своими паяльниками ничему не навредили, позволяли практиковаться на уже испорченных другими блоках. Вечером пообедали в привокзальном ресторане с нересторанными, божескими ценами.

19 июня 1957 года в 11.30 утра, с опережением на полчаса против объявленного вчера срока, теперь уже все участники действия собрались в зале заседаний Президиума ЦК, и все началось сначала. В качестве «разминки» снова заспорили, кому председательствовать.

«Булганин и другие товарищи пришли на заседание, но ни товарищ Хрущев, ни товарищ Булганин не садятся в кресло председателя. Маленков предлагает поручить ведение заседания Булганину, так как обсуждать предстоит Хрущева. Секретари ЦК кричат: «Почему Булганину? Почему обсуждать Хрущева? Давайте поговорим о Молотове». Тут поднимается товарищ Молотов, он привык свысока смотреть на «молодых» и выговаривает Аристову: «Вы, товарищ Аристов, – не член Президиума. Президиуму решать, кого обсуждать, а кого нет».

– Нам решать, – поддержал Молотова Сабуров, – ваше дело руки по швам и выполнять.

Скандал грозил разразиться не на шутку. Булганин стоял растерянный, явно не знал, как уgomонить страсти.

– Голосуй, Николай, – пришел ему на помощь Каганович.

Проголосовали. Хрущев, как и вчера, оказался в меньшинстве. Булганин сел в торце стола».

Так как обсуждали персональный вопрос, постановили никаких записей не делать. На заседания Президиума ЦК стенографисток никогда не пускали, так повелось еще со Сталина, мало ли о чем пойдет речь в высшем ареопаге страны. Роль секретарей у Сталина по очереди выполняли Молотов или Маленков, в зависимости от того, кто в данный момент пользовался большим расположением. Они по знаку Сталина записывали то, что он считал возможным и необходимым доверить бумаге. После смерти Сталина заметки по ходу заседания Президиума ЦК на маленьких, похожих на библиотечные, бумажных карточках, делал так, как он сам считал нужным, Владимир Малин, заведующий Общим отделом ЦК КПСС, хранилища самых главных государственных и партийных секретов. На сей раз Малин по болезни в зале заседания отсутствовал.

Наконец Булганин официально объявил заседание Президиума ЦК открытым. Аристов тут же выбросил вверх руку и почти крикнул: «Прошу слова». Вслед за ним подняли руки и другие сторонники отца, так они рассчитывали перехватить инициативу. Рассчитывали напрасно, Булганин в их сторону даже не глянул и, как еще до заседания договорились в «ореховой комнате», глухо произнес: «Слово предоставляется товарищу Маленкову, – чуть помедлил и зачем-то добавил: Прошу». Чувствуя за своей спиной большинство, Маленков, как это присуще слабохарактерным людям, повел себя более чем агрессивно, обвинил отца во всех смертных грехах, сопровождал слова энергичными жестами и даже несколько раз стукнул кулаком по столу. Одним из «грехов» Хрущева Маленков считал то, что тот не согласовал заранее с Президиумом ЦК свои ответы Даниэлю Шорру в телевизионном интервью 28 мая. (Но как можно согласовать ответы на не согласованные заранее вопросы?) Обвинения строились по принципу: чем больше, тем лучше. Разбираться будем после. Более всего Маленкову не понравилось, что отец позволил себе заявить, что мир на планете зависит от договоренности между СССР и США. Это, по мнению Маленкова, противоречило марксистской установке о росте противоречий между капиталистическими странами в эпоху империализма. В полемическом задоре Маленков немного ошибся, отец действительно так считал и сказал нечто подобное, но не 28 мая Шорру, а 10 мая главному редактору «Нью-Йорк Таймс» Тернеру Кэтлиджу. В мае же они успели поцапаться по этому вопросу с Молотовым. Маленков тогда промолчал, но суть разговора сохранилась у него в памяти. А вот когда, кому и какие отец давал интервью, он подзабыл. Отец тогда давал по два-три интервью в месяц. Не мудрено и запутаться.

Где-то в это время, около полудня, в Москву прилетел Мухитдинов. Напомню, Мухитдинов считал, что летит на празднование 250-летия Ленинграда. Приземлился самолет на Центральном аэродроме, расположенном напротив Путевого Петровского дворца на Ленинградском шоссе. Там тогда базировался правительственный авиаотряд. У трапа самолета Мухитдинову передали, что его ждут в Кремле, ехать надо незамедлительно.

«Это было не совсем понятно, – с восточной вежливостью отмечает Мухитдинов, – но я решил не уточнять, только попросил подарки для Ленинграда отвезти в Управление делами ЦК. В Кремле захожу в зал заседаний Президиума. За столом председательствующего – не Хрущев, а Булганин. Никита Сергеевич сидит в общем ряду, справа. На мое приветствие не ответили, сел на свободное место за длинным столом. Огляделся вокруг: кроме членов Президиума, кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК в комнате никого нет.

Когда я вошел, говорил Маленков, он обвинял в разных грехах персонально Хрущева: он-де извращает и дискредитирует политику партии, игнорирует правительство».

Затем Маленков обвинил Хрущева в том, что он разгласил перед беспартийными писателями «секрет» о своих разногласиях с Молотовым, что призвав «догнать и перегнать США по производству молока и мяса на душу населения... Он вступил в противоречие с линией партии на преимущественное развитие тяжелой промышленности». Последнее из уст Маленкова прозвучало пикантно, всего года тому назад, в январе 1955 года, освобождая Георгия Максимилиановича от поста Председателя Совета Министров СССР, ему предъявляли эти же претензии. Дальше Маленков обвинил отца, что он-де «подавляет своей энергией других членов Президиума ЦК и у нас уже нет коллективного руководства.

– Если бы дело обстояло так, то сегодня мы не собрались бы, и ты бы ничего, как было при Сталине, не говорил, – перебил Маленкова Хрущев.

Георгий Максимилианович ему не ответил и продолжил перечислять прегрешения по заранее заготовленной бумажке: он слишком много разъезжает по регионам, слишком часто выступает, газеты переполнены его речами и, тем самым, по мнению Маленкова, Хрущев насаждает свой собственный культ и так далее, и тому подобное».

«В заключение, – как вспоминал Жуков, – Маленков потребовал освободить Хрущева, от обязанностей Первого секретаря ЦК...

После Маленкова взял слово Каганович. Речь его пылала злобой... Он сказал: “Ну какой это Первый секретарь ЦК? Он в прошлом троцкист, боролся против Ленина, политически малограмотен. На одном из недавних заседаний Президиума Хрущев заявил: «Надо еще разобраться с делами Зиновьева – Каменева и других, «то есть, троцкистов. Сделанное Хрущевым заявление – рецидив”».

Каганович говорил, вернее, читал, свое выступление по заранее заготовленному тексту и обвинял отца в троцкизме не в полемическом задоре, а на полном серьезе и не без формальных оснований. В 1923–1924 годах, еще работая на руднике, Хрущев, как и другие молодые романтики, поддерживал идеи перманентной революции Троцкого.

Маленков с места поддакнул Кагановичу, заявил, что Хрущев «сбивается на зиновьевское отождествление диктатуры пролетариата и диктатуры партии», неправильно понимает взаимоотношения партии и государства. Сабуров выразил сомнение: «Кто может подтвердить “троцкизм” Хрущева?» Каганович сделал вид, что слов Сабурова не расслышал.

Смысл обвинений Кагановича и Маленкова прозрачен: Хрущев ставит вопрос о правомочности судебных процессов 1930-х годов, а на самом деле он сам не без греха. Согласно их логике, надо не Зиновьева с Троцким реабилитировать, а осудить, или еще лучше, судить Хрущева. Собственно, к этому они и вели дело.

Отец, по словам Кагановича – я снова обращаюсь к записям Жукова, – «запутал дело сельского хозяйства». В качестве обоснования Лазарь Моисеевич привел уже упоминавшиеся мною факты из выступления отца на открытии ВДНХ, причем цифры Кагановичу запомнились, а вот, что он их цитирует «по Хрущеву», Лазарь Моисеевич забыл. Иначе вряд ли решился бы их произнести.

«Не знает Хрущев и дело промышленности, вносит путаницу в его организацию. На месте ему не сидится, все мотается по стране», – сыпал обвинения Каганович.

Правда, последнего им бы с Маленковым лучше не говорить, – секретарям обкомов, главам республик нравилось, что Хрущев их не забывает.

Следуя за выступавшими, и мне приходится повторяться: все три дня, пока шло заседание, они говорили, за редкими исключениями, одно и то же.

В своих воспоминаниях Каганович посвятил целую главу спорам на июньском заседании Президиума ЦК. Он подробно излагает, кто и что говорил, конечно, так, как ему все это представлялось. Зная Кагановича, считаю, что и в 1957 году он мыслил примерно так же, как в момент написания мемуаров, и эмоции им владели такие же. Отца он к тому моменту уже почти ненавидел.

«Шапка на нем встала торчком, – язвит Каганович в начале своей речи, – я знал Хрущева как человека скромного, упорно учившегося, он рос и вырос в способного руководящего деятеля в республиканском, областном и союзном масштабе...

После его избрания Первым секретарем все больше стали проявляться его отрицательные черты... субъективистский, волюнтаристский подход... Он неоправданно вмешивается в работу Правительства, командует через голову Совета Министров, неэтично ведет себя».

И дальше все в таком же духе. Каганович в своих записках употребляет формулировки осуждения отца: субъективизм, волюнтаризм, позаимствованные из брежневских времен. В документах тех лет, я имею в виду главным образом стенограмму июньского, 1957 года, Пленума ЦК, такие термины отсутствуют.

«Обвинив Хрущева в тщеславии, – вспоминает Жуков, – Каганович присоединился к Маленкову в требовании освободить Хрущева от обязанностей Первого секретаря и назначить его на другую работу». Тогда-то впервые прозвучало: министром сельского хозяйства. Каганович особо подчеркнул: «Президиум ЦК сегодня в сборе, и мы решим вопрос о Хрущеве сегодня». Первым секретарем ЦК Каганович предложил избрать Молотова.

Каганович также потребовал немедленно, прямо сейчас, на этом заседании, решить вопрос и о Председателе КГБ, заменить Серова на Булганина, по совместительству. О том же говорил Маленков, но не очень внятно. Каганович же считал вопрос о Серове чуть не наиболее важным».

Отец яростно оборонялся. Его противники, со своей стороны, старались не позволить ему завладеть инициативой, постоянно перебивали, не давали говорить, но без особого успеха. Ни одного из принципиальных обвинений отец не признавал, свою концепцию реформирования страны считал правильной. Соглашался с мелочами, и то не со всеми. Троцкистские заблуждения отец не отрицал, но напомнил Кагановичу, что еще в тридцатые годы он сам рассказал ему обо всем. Каганович тогда посоветовал промолчать, но отец все же пошел к Сталину, и тот, в 1937-м, в разгар репрессий, не счел эту историю заслуживающей внимания.

После выступления Кагановича в ход пошла тяжелая артиллерия – эстафету принял Молотов. Мухитдинов отметил, что говорил Молотов «в присущей ему четкой, лаконичной манере». Ничего нового к словам Маленкова и Кагановича он не добавил и добавить не мог. Для начала Молотов обвинил отца в некомпетентности во внешней политике, «безответственных» высказываниях, ему особенно досталось за уже упоминавшееся майское интервью «Нью-Йорк Таймс».

Чтобы лучше понять, о чем разгорелся сыр-бор, процитирую отца дословно: «Если говорить более определенно о международной напряженности, то дело, очевидно, сводится, в конечном счете, к отношениям между двумя странами – Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Если Советский Союз договорится с Соединенными Штатами, то нетрудно будет договориться с Англией, Францией и другими странами».

Маленков упомянул об этом интервью походя, в ряду других претензий, а вот Молотов подошел к нему обстоятельно, он считал заявление отца ошибочным и по существу, и по тактике, не соответствующим одобренной в 1921 году X съездом партии, политике в международных делах. Санкции на произнесение крамольных слов от Президиума ЦК отец не получал, что тоже шло вразрез с резолюцией X съезда.

«Бороться с империализмом и побеждать его мы можем только используя противоречия в лагере империализма, а не воображая, что можно договориться с Соединенными Штатами», – произнося эти слова Молотов даже задохнулся от возмущения.

Особенно резко Молотов прошелся по целине и совнархозам, сказал, что тем самым Хрущев «раздает республикам российские богатства». Мухитдинова слова Молотова резали по самому сердцу, как будто они, республики, чужие.

Призыв догнать США по производству мяса Молотов, вслед за Маленковым, объявил правым уклоном, «бухаринщиной», игнорирующей преимущественную роль тяжелой промышленности. Обвинения в «правом уклоне» прозвучали зловеще. Их Сталин приклеивал к любому, с кем намеривался расправиться. Так, в 1952 году на первом же Пленуме ЦК после XIX съезда партии он приписал «правый уклон» самому Молотову «за предложение, сделанное в 1946 году, повысить заготовительные цены на зерно до уровня закупочных, то есть вместо 10 копеек платить 15 копеек».

Отец попытался возразить Молотову, но на него набросились Каганович с Маленковым, им поддакивал Ворошилов. Завязалась ссора. «Маленков... Я сидел рядом с ним, – вспоминает Жуков, – в крайне нервном состоянии так стучал кулаком по столу, что стоявший передо мной графин с водой подпрыгивал и чуть не перевернулся». По словам Мухитдинова, у выступавших логики особой не просматривалось, «скорее перепалка, взаимная ругань», напомнившая ему восточный базар.

Наконец все уюмонились, и Молотов закончил выступление, поддержав предложение Кагановича о разжаловании отца в министры сельского хозяйства. Он также посчитал необходимым избрать секретарями ЦК Маленкова или Кагановича.

После Молотова выступал Ворошилов. Говорил он минут сорок, но о чем, впоследствии не смог вспомнить никто. Естественно, Климент Ефремович, как они условились заранее, присоединился к требованию сместить отца, заменить его Молотовым.

Затем Булганин предоставил слово самому себе. Что запомнилось из его выступления, так это обвинение отца в том, что во время их визита в Финляндию он с президентского приема отправился с Урхо Кекконеном в сауну и тем самым уронил достоинство советского руководителя.

– Это ты серьезно, Николай? – удивился отец. – Вы что думаете, я ради удовольствия жарился в этой душегубке в Финляндии? Я же не мыться туда ходил, а вел доверительные переговоры с президентом Финляндии, с руководителем соседней, пусть маленькой, но очень важной для нас страны.

– На трезвую голову с главой буржуазного государства, да еще ночью, в баню не пойдешь, – зло выкрикнул Молотов.

Говоря о других прегрешениях отца в международных делах, Булганин попенял ему за обращение к королю Афганистана «Ваше Величество», чем он якобы уронил свое достоинство и достоинство нашей страны.

– А как же мне к нему обращаться? Товарищ король? – не выдержал отец.

– Такое обращение из уст Первого секретаря Коммунистической партии звучит более чем неприемлемо, – и тут не утерпел Молотов.

Закончил Николай Александрович без неожиданностей: Хрущева – в министры, на его место посадить Молотова.

Первухин с Сабуровым от выступлений отказались. И так все ясно, что зря языком молоть, голосовать надо. Сторонники отца возмущенно шумели, требовали слова. Поколебавшись, Булганин остановил свой выбор на Жукове.

Жуков хорошо знал, кто чего стоит. Нагляделся на них за годы войны, особенно в 1941-м. И не только в Кремле. С Ворошиловым они сталкивались в сентябре в Ленинграде, куда Жукова отправили в пожарном порядке спасать разваленный «первым маршалом» фронт. Он вообще не уважал Ворошилова, предвоенного наркома обороны, преуспевшего лишь в одном – в разгроме в 1930-е годы собственных Вооруженных сил. Не забыл Жуков и октябрьских встреч с Молотовым и Ворошиловым под Москвой. Посланные Сталиным разобраться в причинах наших новых поражений, они истерично обвиняли командуемого фронтом генерала Конева в измене, грозили ему судом.

А чего стоили звонки Молотова в штаб фронта после того, как он, Жуков, вступил в командование защищавшими Москву войсками. В самые тяжелые дни московской обороны у Молотова не нашлось других слов, кроме как угрожать расстрелом.

Булганин в те дни был у него членом Военного совета фронта. Ничего плохого за ним не замечалось, но и хорошего сказать было нечего: ни рыба ни мясо. Потом они вместе работали в Министерстве обороны. И тоже не сблизились, не стали ни друзьями, ни единомышленниками.

Остальных Жуков знал меньше, но связывать свою судьбу с ними не намеревался. Свой выбор Жуков сделал сознательно, о чем сказал отцу еще накануне, и решил стоять до конца. Не раз он попадал в, казалось бы, безвыходное положение и всегда выходил победителем.

Жуков завершил свое выступление словами: «Армия не поддержит смещения Хрущева, изменений в руководстве ЦК».

«Все переглянулись, – отмечает Мухитдинов, – его слова прозвучали угрозой».

После Жукова говорил Шверник. У себя в КПК он привык давать определения всевозможным деяниям и, не колеблясь, назвал «молотовцев» «антипартийной группой». Булганин глянул на него с испугом, в 1930-е годы за подобным обвинением следовали весьма предсказуемые последствия. В тот момент он впервые пожалел, что связался с Молотовым, мог бы в свое удовольствие сосуществовать с Хрущевым, да вот бес попутал. Но отступить теперь поздно, да и незачем отступать, у них абсолютное большинство.

Молотов зло зыркнул из-под пенсне на Шверника, хотел было подать реплику, но сдержался. Николай Михайлович, казалось, не заметил, какую реакцию вызвали его слова. Не повышая голоса, без эмоций он закончил говорить и опустил на свой стул.

Булганин объявил перерыв, пора обедать. В кремлевскую столовую отправились все вместе – противники не хотели терять друг друга из виду. В коридоре Молотов догнал Шверника и, заикаясь от волнения и злобы, пообещал, что «антипартийная группа» ему дорого обойдется. Николай Михайлович попросил его не угрожать, он в партии состоит подольше Молотова и может говорить то, что считает правильным.

– Ну, это мы еще посмотрим, – прошипел Молотов и отошел к Кагановичу, который энергично втолковывал Булганину, что заседание следует вести жестче, не рассусоливать, не позволять говорить кому не следует. Николай Александрович согласно кивал, но ссылался на внутрипартийную демократию, выступить обязаны все желающие. После обеда Первухин, на правах старого знакомого, пригласил Мухитдинова к себе в кабинет, располагавшийся поблизости, в том же коридоре. Они подружились в период строительства в Ташкенте Института ядерных исследований, которым из Москвы руководил Первухин.

Разговор, естественно, зашел о Хрущеве, Первухин склонял Мухитдинова на свою сторону, но Мухитдинов уже принял решение и ответил твердо: «Нет».

– Встретимся на Президиуме, – от приветливости Первухина не осталось и следа.

Первухин беседовал с Мухитдиновым, а Булганин предложил зайти к нему в кабинет Жукову. По дороге в столовую «молотовцы» договорились попытаться после обеда склонить на свою сторону «молодежь», то есть избранных на XX съезде кандидатов в члены Президиума ЦК. В кабинете Булганина уже сидели Молотов и Маленков. Как складывался разговор, его участники впоследствии трактовали различно. Жуков утверждал, что он уговаривал их одуматься, не настаивать на смещении Хрущева, ограничиться обсуждением. Молотов, Булганин и Маленков, в свою очередь, заявляли, и Жуков их не опровергал и даже предложил обдумать возможность низведения роли Первого секретаря ЦК до чисто технической, переименовать ее в «Секретаря ЦК по общим вопросам» с весьма расплывчатыми полномочиями. «Молотовцы» истолковали позицию Жукова в свою пользу, а сам Жуков не объяснял, что он имел в виду. На Пленуме ЦК 22 июня 1957 года, отвечая Маленкову, он бросил

реплику: «Подумать, а не отстранять...» и все. На что Маленков ему резонно ответил: «Мы сидели и обдумывали...»

После перерыва пришла очередь говорить Микояну. Начал он без особой охоты.

В разговоре с Мичуновичем отец посетовал, что в тот день, 19 июня, Микоян держался пассивно, демонстрировал нейтралитет. «Товарищ Микоян, верный своей тактике маневрирования, сказал, что верно, есть недостатки в работе Хрущева, но они исправимы, поэтому он считает, что не следует освобождать Хрущева», – пишет Каганович.

«В поддержку Хрущева выступили Микоян, Суслов, Кириченко», – вспоминает Мухитдинов.

А вот как говорит о собственной позиции сам Микоян: «В июне 1957 года я решительно встал на сторону Хрущева против всего остального состава Президиума ЦК, который фактически уже отстранил его от руководства работой Президиума. Хрущев висел на волоске. Почему я сделал все, что мог, чтобы сохранить его на месте Первого секретаря? Мне было ясно, что Молотов, Каганович, отчасти Ворошилов недовольны разоблачением преступлений Сталина. Победа этих людей означала бы торможение процесса десталинизации партии и общества. Маленков и Булганин были против Хрущева не по принципиальным, а по личным соображениям. Маленков был слабовольным человеком, в случае их победы он подчинился бы Молотову, человеку очень стойкому в своих убеждениях. Булганина эти вопросы вообще мало волновали. Но он тоже стал бы членом команды Молотова. Результат был бы отрицательный для последующего развития нашей партии и государства. Нельзя было этого допустить.

Я понимал, что характер Хрущева для его коллег – не сахар, но в политической борьбе это не должно становиться решающим фактором, если, конечно, речь не идет о сталинском методе сведения счетов со своими подлинными и воображаемыми оппонентами. К Хрущеву такого рода аналогии не относились. В период борьбы на XX съезде мы с ним сблизились, оказались соратниками и единомышленниками. Хотя трудности его характера уже чувствовались. Но я видел и его положительные качества. Это был настоящий самородок, который можно сравнить с неограниченным, необработанным алмазом. При своем весьма ограниченном образовании он быстро схватывал, быстро учился. У него был характер лидера: настойчивость, упрямство в достижении цели, мужество и готовность идти против сложившихся стереотипов. Правда, был склонен к крайностям. Очень увлекался, перебарщивал в какой-то идее, проявлял упрямство и в своих ошибочных решениях или капризах. К тому же, навязывал их всему ЦК, а после того, как выдвинул своих людей, делал ошибочные решения как бы “коллективными”. Увлекаясь новой идеей, он не знал меры».

В своих книгах «Никита Хрущев: Кризисы и ракеты» и «Рождение сверхдержавы. Книга об отце» я писал: «Микоян занял глубоко продуманную, основательную позицию. Он, антисталинист по убеждению, и отца поддерживал по убеждению. Вернее, не поддерживал, они боролись за одну идею, и им оставалось или вместе победить, или вместе погибнуть». Я выдавал желаемое за действительное. Как представляется теперь, без особого основания. Но об этом чуть позже.

Что на самом деле говорил Микоян 19 июня 1957 года, мы уже не узнаем.

Затем, согласно воспоминаниям Мухитдинова, слово предоставили Брежневу. В 1952 году на XIX съезде его избрали в расширенный Президиум и Секретариат ЦК. Казалось, начался крутой взлет, но после смерти Сталина все радикально изменилось. Президиум и Секретариат резко сократились в объеме. Брежнев оказался не у дел. Его пристроили начальником Политуправления Военно-морского флота, там нашлась вакансия. Шло время, дела стали поправляться. Отец с симпатией относился к Брежневу. Хотя восковая податливость его характера, несамостоятельность – не лучшие рекомендации, но работником он слыл дея-

тельным. К 1957 году Брежнев вернулся в ЦК, снова стал секретарем, пока еще не членом, а только кандидатом в члены Президиума ЦК.

Брежнев, совсем недавно работавший секретарем ЦК Компартии Казахстана, заговорил об освоении целины, положительных сдвигах в сельском хозяйстве, об улучшении снабжения населения. Он не солидаризировался напрямую с Хрущевым, не встал открыто на его сторону, но и его оппонентов не поддержал.

Положительное упоминание Брежневым целины взъярило противников отца. Целина причислялась к его главным упущениям, а тут какой-то Брежнев. Страсти вновь разбушевались не на шутку, все разом, перебивая друг друга, закричали. Каганович грубо оборвал Леонида Ильича: «Разговорился, восхваляешь Хрущева, раздуваешь... Ты, вместе с ним дискредитируешь партию, мы тебя за Можай загоним, забыл, как в ПУРе⁴³ сидел? Живо вернем обратно».

Леонид Ильич покачнулся, стал хвататься руками за спинку кресла, медленно осел на пол. Охрана унесла потерявшего сознание незадачливого бойца в соседнюю комнату. Вызвали врача. Брежнева привели в чувство, и он уехал на дачу. На заседание Президиума он больше не приходил ни в тот день, ни в последующие.⁴⁴

На людях Брежнев появился, когда все окончательно прояснилось, уже на Пленуме ЦК.

Активно, я бы сказал, агрессивно повел себя на заседании не так давно (в июле 1955 г.) избранный членом Президиума ЦК Кириченко. Секретаря Украинского ЦК «старики» не считали ровней. Алексей Илларионович придерживался иного мнения и сдаваться не намеревался. Кириченко грубо, наотмашь отбивал все обвинения, не особо утруждая себя подбором аргументов. Он знал, что терять ему нечего, без Хрущева нет будущего и у него.

Как и что говорил Суслов, я просто не знаю. Не запомнилось его выступление ни Мухитдинову, ни Кагановичу, ни Микояну.

Затем, со слов Аристова, в поддержку отца выступили: он сам, Беляев, Фурцева, Поспелов.

К концу послеобеденного заседания из имевших право голосовать членов Президиума ЦК выступили все, кроме Сабурова с Первухиным и самого Хрущева. «Молотовцы» договорились слова ему не давать, пока все не определятся. Они боялись, что отцу с его ораторскими способностями и силой убеждения удастся развернуть ход заседания в свою пользу. И вообще, они его боялись.

Первухин с Сабуровым рассчитывали отмолчаться, но тщетно. «Перед голосованием, намеченным на сегодняшний вечер, высказаться обязаны все, нечего по кустам отсиживаться», – категорически заявил Молотов.

«Они сильно на нас нажимали», – пожалуется впоследствии Первухин.

Первым из этих двоих говорил Сабуров. Отец, вопреки логике, все еще продолжал надеяться, что Сабуров, если и не выступит на его стороне, то хотя бы останется нейтральным. Не поддержал же он Кагановича в его обвинениях отца в троцкизме. Но надеялся отец напрасно. Как вспоминал Мухитдинов, Сабуров в резких выражениях обвинил Хрущева в провалах «по линии планирования, финансирования народнохозяйственных дел», то есть в том самом, за что его самого, Сабурова, всего полгода назад отрешили от Госплана. Вел себя Сабуров агрессивно, агрессивнее других, может быть, за исключением Кагановича. Сабуров присоединился к предложению отрешить Хрущева от должности и назначить его министром сельского хозяйства.

⁴³ ПУР – Политическое управление армии и флота, подразделение Министерства обороны.

⁴⁴ В книге «Рождение сверхдержавы» (М., Время, 2003) я, базируясь на слухах, написал, что «Брежнев вскоре вернулся в зал заседаний, но слова больше не просил». В настоящем издании последовательность событий изложена в соответствии с опубликованными воспоминаниями Н. А. Мухитдинова.

Сабуров закончил говорить без чего-то шесть. Как и накануне, члены Президиума в тот вечер собирались на важное протокольное мероприятие. Югославский посол устраивал прием в честь гостившего в Советском Союзе госсекретаря по вопросам обороны, генерала армии Ивана Гошняка. Югославам заранее пообещали, что к ним, наряду с маршалом Жуковым, придут Хрущев, Булганин и еще кто-нибудь из членов Президиума ЦК. Вот и пришлось выступление Первухина отложить до утра. Противники отца перенесли окончание заседания на следующий день с легким сердцем, большинство уже определилось, победа сомнений не вызывала, проголосуем не сегодня, так завтра. Завтра даже лучше, к тому времени Маленков обещал подготовить соответствующую резолюцию. Отцу оттяжка в голосовании пришлась очень кстати, он понял, что на Президиуме каши не сварить. И он решил действовать. «Молотовцы» и не подозревали, что дело не только не приближается к развязке, а самое интересное только начинается.

С решением, кому четвертым идти на прием к югославам, вышла небольшая заминка. Никто из «молотовцев» идти с Хрущевым на прием особого желания не выразил, и отец тоже не жаждал их компании. На выручку, как всегда, пришел Микоян. Вчетвером они отправились на прием.

«Молотовцы» решили собраться в Кремле у Булганина часов в восемь, как только он вернется с приема. Со слов Первухина, там, кроме него самого, присутствовали Булганин, Маленков, Молотов, Каганович, Сабуров. Ни Ворошилов, ни Шепилов не пришли. Ворошилова, скорее всего, просто не позвали, в его позиции никто не сомневался, а проку от него при обсуждении столь «горячего» вопроса никакого, он только внесет сумятицу. Шепилов же к тому моменту еще не определился.

Карьера Шепилова складывалась неровно: он пробивался почти на самый верх, и тут, по совершенно не зависящим от него причинам, успех оборачивался катастрофой. Сразу после войны его заметил Жданов, в то время второй после Сталина человек в стране. 18 сентября 1947 года он сделал Шепилова заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК, заместителем Суслова. «Фактически вам придется вести все дело, Суслов сейчас занят другими делами (якобы говорил Шепилову Жданов. – С. Х.). Уберите с идеологического фронта мелкую буржуазию, привлечите людей из обкомов, из армейских политработников и дело пойдет наверняка... 18 сентября 1947 года началась новая полоса в моей жизни». Когда речь идет не об отце, Шепилову можно верить, с поправкой, конечно, на неимоверное самомнение автора.

Шепилов резко пошел в гору, но тут Жданов умер, следом грянуло «Ленинградское дело». В 1950 году Шепилова уволили со всех постов, он со дня на день ждал ареста. Ареста не последовало. Продержав Шепилова между жизнью и смертью примерно с год, Сталин вернул его в ЦК, но уже не начальником, а рядовым инспектором Агитпропа. Приходилось все начинать сначала. Шепилову снова повезло, Сталин занялся экономическими проблемами социализма, поручил ему, специалисту по политэкономии социализма, написать «правильный» учебник. Они даже несколько раз встречались. В результате на XIX съезде партии Шепилова избрали членом ЦК. В 1952 году Сталин назначает его главным редактором газеты «Правда» и тут же в дополнение к «Правде» делает Шепилова председателем Постоянной комиссии ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Кабинет ему отводят на пятом этаже здания ЦК, «который после реконструкции числился кабинетом Сталина, – с гордостью отмечает Шепилов, – но Сталин работал в Кремле, и свой пустовавший кабинет отдал Шепиловской комиссии». Воистину, скромностью Шепилов не страдал.

Отсюда, с самого привилегированного пятого этажа, – прямая дорога в Секретариат, а там и в Президиум ЦК. Но... «5 марта 1953 года, около 10 часов вечера зазвонил кремлевский телефон.

– Товарищ Шепилов? Говорит Суслов. Только что скончался товарищ Сталин».

В третий раз приходилось начинать сначала. Правда, Шепилов оставался главным редактором в «Правде», пока новое начальство не подберет туда кого-нибудь из своих. Следовательно, требовалось срочно стать своим. Но своим у кого? У Молотова? У Берии? У Маленкова? Шепилов поставил на Хрущева. С тех пор они тянули с одной упряжке. Отец все больше доверял ему, а Шепилов старался оправдать его доверие. И оправдывал. Шепилов искренне писал Сталину «правильный» учебник политэкономии социализма. Теперь он также искренне помогал отцу писать доклад, разоблачавший преступления Сталина. Шепилов вновь шустро заскакал по ступенькам партийной иерархии: из главных редакторов «Правды» в секретари ЦК по культуре, пока под началом Суслова, но только пока. Вскоре Шепилов, уже вместо Молотова, становится министром иностранных дел. И снова с повышением переходит в секретари ЦК, уже в ранге кандидата в члены Президиума ЦК, уже не под Сусловым, а наравне с ним. Пока наравне... И вот на тебе! Так некстати вылезли эти Молотовы с Маленковыми с затеей сбросить Хрущева. Снова придется начинать сначала. Если, конечно, вовремя не сориентироваться. Хрущев силен, и если он победит, то его, Шепилова, будущее обеспечено. А если не победит? К концу второго дня заседаний Президиума ЦК Шепилову становилось все яснее: Хрущев проигрывает, большинство вот-вот проголосует за его отстранение, и тогда все пропало.

Впоследствии сторонники отца обвинили Шепилова в измене с первого дня, с самого начала. Сам Шепилов в своих воспоминаниях говорит то же самое, он не только с первого дня состоял в оппозиции, но являлся ее идеологом. Тем самым Шепилов подводит под свою измену принципиальную базу. Я не склонен доверять ни тем, ни другим.

Победителям изменник Шепилов представлялся изначально двурушником, и они не собирались копаться в извивах его побуждений. Самому ему не оставалось ничего иного, как записаться, несмотря на всю парадоксальность такого заявления, в принципиальные и давние оппоненты отца. Не мог же он публично признаться в примитивном карьеризме? Итак, вечером 19 июня, Шепилов в кабинете Булганина отсутствовал, сидя на даче, перебирал варианты, прикидывал, на кого ставить и когда.

Тем временем «молотовцы» в Кремле определили стратегию на следующий день.

Почувствовав, что замена отца Молотовым на посту Первого секретаря ЦК вызывает сомнения у их не очень стойких сторонников Сабурова и Первухина, хитрый Маленков предложил подкорректировать план: «вообще упразднить пост Первого секретаря ЦК КПСС, как это сделал Сталин после XIX съезда партии», и одновременно «укрепить Секретариат, как уже предлагалось Молотовым, Кагановичем и им самим», Хрущева из секретарей ЦК не выгонять, «оставить на первое время и одновременно сделать министром сельского хозяйства, а там посмотрим». (Я цитирую выступление Первухина на Пленуме ЦК). «На заседаниях Президиума ЦК председательствовать по очереди» и настоять на снятии с КГБ генерала Серова. Последнее Маленков подчеркнул особо. Никто Маленкову по существу не возражал, только Каганович засомневался, как в ЦК примут Маленкова, уж очень худая у него там репутация, особенно в связи с «Ленинградским делом».

— Сейчас это не важно, — отмахнулся от него Маленков, — главное разрешить проблему в целом, а там посмотрим, ставить Маленкова в секретари ЦК, или ты один с Хрущевым справишься.

Каганович не возражал, с Хрущевым он справится. Затем около часа обсуждали детали завтрашнего заседания, кому, что, когда говорить. Один только Сабуров, предвидя незавидное будущее, уготованное Хрущеву, вдруг жалостливо произнес: «Необходимо, когда будем решать, не допустить мщения в отношении тех, кто думает по-другому». Ему никто не ответил. И Молотов, и Каганович, и Маленков представляли отчетливо: никакие сантименты здесь не уместны.

Затем, по свидетельству Сабурова, «зашла речь о решении Президиума ЦК. Маленкову и Кагановичу поручили составить резолюцию». Маленков заметил, что неплохо к написанию резолюции привлечь Шепилова, если, конечно, он согласится. Во время вечернего заседания он внимательно следил за Шепиловым, видел, как тот нервничает. Маленков хотел использовать предложение вместе поработать над резолюцией в виде наживки, посмотреть, клюнет ли Шепилов.

Идея Маленкова всем понравилась, но ее реализацию отложили на следующее утро. Обсуждать столь деликатное дело следует, глядя в глаза собеседнику, а Шепилов уже давно на даче. Ехать к нему Маленков считал ошибкой, еще спугнешь ненароком, а телефону такие дела не доверяют. Поговорить с Шепиловым вызвался все тот же Маленков, а тем временем они с Лазарем Моисеевичем набросают основные тезисы завтрашнего решения. Разговор занял около трех часов, примерно в одиннадцать вечера «молотовцы» разъехались из Кремля.

Отец тоже не дремал, он собрал своих сторонников в ЦК, естественно, тоже по возвращении с приема. Что происходило в кабинете отца и вокруг него подробно записал Мухитдинов.

По окончании заседания в кремлевском коридоре он столкнулся с Сусловым.

– Никита Сергеевич приглашает, – понизив голос, произнес Суслов. – Могли бы вы зайти к нему?

Мухитдинов – выдвиженец отца, и такое приглашение у него удивления не вызвало, он согласился.

«Я отправился в кабинет Хрущева в ЦК на Старой площади, – продолжает Мухитдинов. – Когда я вошел, там уже собрались Суслов, Жуков, Фурцева».

Отсутствовали Микоян, Шепилов, Брежнев, которые тоже числились в сторонниках отца. Мы уже знаем, что Брежнев на даче сосал валидол, приходил в себя после стычки с Кагановичем. Или просто выжидая, отсиживался на даче.

Шепилов тоже остался на даче, как я уже написал, его раздирали сомнения. А вот почему отсутствовал Микоян? Они же вместе с отцом ходили на прием, вместе могли бы приехать в ЦК. Но не приехали. Каждый сел в свою машину. Отец отправился в ЦК, Анастас Иванович – на дачу.

Отец чувствовал себя беспокойно, не был уверен в истинном настроении собравшихся, да и пришли далеко не все, на кого он рассчитывал.

– Вот теперь я никто... – запустил отец пробный шар, голос его прозвучал необычно жалобно. – Не хотелось бы уходить с такими обвинениями.

Отец замолчал и внимательно оглядел присутствующих. Глаза его смотрели колко, контрастируя с минорностью только что произнесенных слов. Все молчали, никто не посочувствовал его якобы неизбежной отставке, а это уже хороший знак.

– Убежден, мы с вами на верном пути, – из голоса отца исчезли жалостливые нотки, проступила привычная слушателям жесткость. – Корни их обид, недовольства мною вам известны. Они так действуют из страха перед будущим.

Слушатели задвигались, закивали головами, зажурчали, демонстрируя согласие.

– Тогда давайте *сообща* решать, – отец пошел ва-банк, – уходить мне из ЦК? Или *мы* найдем выход?

Отец подчеркнул «сообща» и «мы».

– Вам не надо уходить из первых секретарей, – почти не раздумывая, откликнулся Жуков. – А этих я арестую. У меня все готово.

Отец с удивлением вскинул глаза на Жукова, последние слова, кажется, его не столько ободрили, сколько насторожили, но ни Жуков, ни остальные присутствовавшие его реакции не заметили, им было не до нюансов.

– Правильно, надо их убрать, – без тени колебаний поддержала Жукова Фурцева. Отец знал ее решительный и властный характер и не удивился таким словам.

– Зачем арестовывать? – забеспокоился Суслов. – И в каких преступлениях можно их обвинить?

Осторожность Михаила Андреевича давно стала притчей во языцех и тоже не удивила отца.

– Правильно говорит Михаил Андреевич, – вступил Мухитдинов, силовое решение ему не импонировало. – Не надо их арестовывать. Все можно решить внутри Президиума или на Пленуме. Пленум вас поддержит, Никита Сергеевич.

Последние слова Мухитдинова прозвучали уверенно, и все согласились: Пленум поддержит. Хрущев, собственно, с самого начала считал, что разногласия следует разрубить на чрезвычайном Пленуме ЦК, потому он и пригласил их к себе. Тем не менее, слова Мухитдинова, уверенный тон, как бы развеяли последние сомнения.

– Спасибо вам за откровенные высказывания, за поддержку, – начал отец. – Надо перехватить инициативу, созвать Пленум. На Президиуме они в большинстве, а на Пленуме большинство станет нашим.

Затем Хрущев, по словам Мухитдинова, весьма нелестно отозвался о Брежнев, назвал его трусом, готовым переметнуться, присоединиться к победителям, вот только он еще не знает, кто победит, поэтому решил посимулировать, отсидеться на даче. Так ли говорил отец, не знаю, но с другой стороны, зачем Мухитдинову придумывать? Лично он с Брежневым практически не сталкивался, относился к нему с прохладным равнодушием.

– Пленум надо собрать поскорее, – отец перешел к практическим делам, – пока они сами на это не решились. Реально ли открыть его послезавтра?

Вопрос отца повис в воздухе, да он и не ожидал ответа, просто размышлял вслух.

– Уже завтра понадобится стянуть сюда членов и кандидатов в члены ЦК, – продолжал прикидывать отец.

Приводимые Мухитдиновым слова, построение фраз – чисто хрущевские, что внушает доверие к точности воспроизведения им событий тех дней, детали происходившего, интонации накрепко запечатлелись с его памяти.

– Вы, товарищ Жуков вместе с Серовым обеспечьте прибытие товарищей с периферии, – отец уже принял решение, голос его обрел властные нотки, он выстраивал диспозицию будущего сражения. – Товарищ Суслов, пригласите Чураева и Мыларщикова (В. М. Чураев, бывший секретарь Харьковского обкома, ныне возглавлял Орготдел Бюро ЦК по РСФСР; с В. П. Мыларщиковым отец в 1950-е годы работал в Москве, теперь Владимир Павлович стал членом Бюро ЦК по РСФСР. – С. Х.), оповестите всех, чтобы люди готовились. Товарищ Фурцева, займитесь Москвой, проследите, чтобы все явились, и подумайте, в какой форме их правильно сориентировать. Вы, товарищ Мухитдинов, когда придут члены ЦК из азиатских республик, в личном плане переговорите с ними.

Отец оглядел собравшихся, кажется всё, ничего не забыл.

– Пленум соберем послезавтра, в пятницу, в одиннадцать часов, – его голос звучал звонко, не слышалось ни тени сомнений.

Казалось бы, обо всем уже договорились, но тут Жукову пришла в голову идея попытаться отколоть Ворошилова от группы Маленкова – Молотова. «Взялся я за эти переговоры по той причине, что мы с ним все же в какой-то степени были родственниками (его внук был тогда женат на моей дочери). Но из переговоров ничего не получилось. Ворошилов остался на стороне Молотова – Маленкова и против Хрущева», – вспоминает Жуков.

Впоследствии Микоян утверждал, что это *они поручили* Жукову, кроме Ворошилова, поговорить еще с Булганиным и Сабуровым, а *САМ он*, Микоян, «два раза разговаривал с Булганиным, один раз безуспешно, второй раз – с некоторым успехом, тот стал кое-что пони-

мать». После Булганина он якобы общался еще и с Сабуровым и Первухиным. Жуков о своих переговорах с Булганиным и Сабуровым не упоминает. К тому же, как мы знаем, на совещании у отца в тот вечер Микоян отсутствовал.

Расходились ближе к одиннадцати часам вечера, Мухитдинов запомнил, что на дворе уже стемнело.

Мухитдинов решил не дожидаться лифта, по лестнице начал спускаться с пятого этажа, где находился кабинет отца. Навстречу ему поднимался Серов, он спешил к отцу.

Серову отец доверял. Он сам выдвинул его на столь важный пост, в Москве Серов без отца и дня не продержался бы. О том, что Молотов и другие в открытую требуют его замены, Серов знал.

Я раньше считал, что тем вечером отец разговаривал с Серовым на даче, гуляя по аллеям парка подальше от чужих ушей. Теперь, благодаря воспоминаниям Мухитдинова, мы узнали, что встретились они в ЦК, в кабинете отца. Чужих ушей они не боялись, все «уши» в своем кулаке держал Серов.

Серов догадывался, зачем его позвали. О происходивших в Кремле баталиях он знал все. Он заверил отца в своей преданности, поклялся в верности линии XX съезда и заявил о готовности выполнить любые поручения Первого секретаря ЦК.

Разветвленная паутина, которой Комитет госбезопасности со сталинских времен опутывал всю страну, оказывалась очень кстати, но отец ставил себя в двусмысленное положение. Все последние годы он требовал исключить КГБ из политической жизни страны, ограничить его функции борьбой с вражеской разведкой.

Вскоре он сформулирует принцип, согласно которому ни министр обороны, ни министр иностранных дел, ни председатель КГБ не должны входить в состав Президиума ЦК, чтобы ощущение стоящей за их спиной мощи не оказывало давления на высшее руководство страны. Их задача – реализовать решения Президиума ЦК.

До 1964 года ни министр обороны Малиновский, ни министр иностранных дел Громыко, ни сменявшие друг друга председатели КГБ Серов – Шелепин – Семичастный в Президиум ЦК не избирались. Завет отца нарушил Брежнев, при нем министр обороны Гречко, а затем пришедший ему на смену Устинов вошли в состав высшего политического органа страны – Политбюро ЦК. Так теперь именовали его бывший Президиум. Вслед за Гречко в Политбюро избрали министра иностранных дел Громыко и Председателя КГБ Андропова. К середине 1970-х годов эта тройка вершила все дела в стране. Противостоять им не решался никто, реальная сила была в их руках. Они собирались втроем, договаривались, а затем утверждали свое решение на заседании Политбюро ЦК.

В июне 1957 года отец, в борьбе за власть, вынужден был обратиться к услугам этих структур, к Жукову и Серову. Выбора не оставалось. Отец успокаивал себя тем, что Серову поручаются чисто технические задачи. Но... коготок увяз – всей птичке пропасть. Кто может в таком деле знать, где кончаются технические функции и начинается большая политика. Да и вообще, крайне наивными оказались надежды, что одним росчерком пера можно исключить секретную службу из политики, отстранить ее от власти, лишить могущества.

Пока же отец попросил Серова по своим каналам связаться с членами ЦК, в первую очередь иногородними, разъяснить им ситуацию, посмотреть реакцию. Такое же поручение он дал Суслову, но, на всякий случай, решил подстраховаться. Серов все понял с полуслова, попросил разрешения уехать и приступить к выполнению задания. О результатах он доложит незамедлительно. Естественно, антихрущевское большинство Президиума ЦК об этой встрече не узнало. Сообщить им о ней, как и о других происходивших в стране событиях, мог либо Серов, контролировавший каждый шаг «большинства», либо секретари обкомов.

Если «молотовцев» всерьез беспокоил Серов, то на обкомы, чьи секретари составляли большинство Пленума ЦК, они внимания не обращали. За последние десятилетия они при-

выкли, что Пленум безропотно голосует «за» любое предложение, исходившее от Сталина. По их представлениям, и после Сталина ничего не изменилось, тогда как на деле изменилось все. Секретарей обкомов более не удовлетворяла роль пешек. В отличие от «молотовцев», «постоянно мотавшийся по стране» отец установил тесные связи с обкомами, познакомился практически со всеми секретарями. Они же, в свою очередь, узнали его, и теперь, в схватке за власть, он мог на них всецело рассчитывать.

Проводив Серова, отец попросил зайти к себе Мыларщикова и Чураева. Он не сомневался, что Суслов передал его поручение, но захотел удостовериться, насколько оно правильно понято. Мыларщиков и Чураев поняли все правильно, доложили отцу, что уже начали обзванивать обкомы, секретари стоят на «правильных позициях».

Покончив с делами, отец уже за полночь отправился на дачу. Перед завтрашним днем следовало выспаться, как на фронте перед наступлением. Пришедшее в голову сравнение показалось ему точным – все как перед наступлением: приказы отданы, войска пришли в движение, от командующего уже ничего не требуется и не зависит, можно лечь спать.

Третий день бдений Президиума ЦК 20 июня открылся выступлением Первухина. Отец считал Первухина человеком способным, на практической работе полезным, а в политике – флюгером. Он сравнивал Первухина с кораблем, качающимся в зыбком море. 20 июня Первухин не колебался, в дополнение к уже ставшим стандартными обвинениями отца он добавил свое, госплановское: «Хрущев, видите ли, перекачивает из национального дохода средства на нужды сельского хозяйства в ущерб интересам промышленности, особенно тяжелой» – и присоединился к предыдущим ораторам: – от должности освободить».

«Товарищи Первухин и Сабуров оба заявили, что раньше хорошо относились к Хрущеву, так же, как Хрущев к ним. А теперь мы видим, что Хрущев зарвался, зазнался и затрудняет нам работу. Его надо освободить», – констатирует Каганович.

Затем пришла пора выступать кандидату в члены Президиума и секретарю ЦК Шепилову. Поздно вечером, после окончания совещания «молотовцев» у Булганина в Кремле, Шепилову позвонил сосед по даче Каганович, сказал, а зная Лазаря Моисеевича, можно предположить, что приказал засесть за резолюцию о Хрущеве. Шепилову вменялось приготовить теоретическое обоснование отрешения Хрущева от власти, обосновать пагубность совершенных им ошибок.

– Не мне вас учить, вы лучше других знаете, что требуется, как подобные документы составляются. Мы рассчитываем на вас, – закончил свою тираду Каганович и, не дожидаясь ответа, повесил трубку.

Шепилов хотел было ему перезвонить, сказать, что... Что он скажет Кагановичу, Шепилов не знал. К тому же он Кагановича в глубине души побаивался. Кагановичу Шепилов не перезвонил, но и к резолюции не приступал. К утру Шепилов решился, положение Хрущева представлялось ему, аппаратчику до мозга костей, безнадежным, и он на переправе поменял коней, присоединился к «победителям». Ему бы чуть выждать, не паниковать. Вся бы жизнь сложилась по-иному, и числился бы он сейчас не в «примкнувших», а только бог знает, в какой ипостаси. Но не выдержал – как куропатка захлопал крыльями и взлетел под выстрел...

«Вначале он вроде бы поддержал Хрущева, но после выступления Молотова явно переметнулся», – кратко резюмирует Мухитдинов.

Во всей этой истории с попыткой отстранения отца от власти Шепилов стоит особняком, как от сторонников отца, так и от его противников. Ему никак не находили названия и наконец придумали такой же скользкий, как и он сам, термин «примкнувший». Термин мне не нравится, так же, как он не нравился и самому Шепилову. Он не примкнувший, он – изменник. Все противники отца – естественны, они вышли из прошлого. Сейчас они попытались реализовать свой последний шанс, а отец задвигал их назад в прошлое. Шепилов же

шел в будущее вместе с Хрущевым. Отец уже видел в нем главного идеолога страны, и тут он в решительный момент струсил. А Суслов не струсил, твердо стоял на стороне отца.

Шепилов говорил долго, его выступление походило на лекцию. Отметил пагубность децентрализации экономики, введения совнархозов. Под эту «пагубность» Дмитрий Трофимович подвел теоретическую базу, по его мнению с ликвидацией министерств и, соответственно, министров, членов коллегии Совмина, рабочий класс лишается своих представителей в правительстве, что «нарушает ленинское положение о диктатуре рабочего класса. Союзному правительству отводится роль сборщика податей», то есть налогов.

– Смотрит в книгу, а видит фигу, простых вещей не понимает, а берется других учить. Демагогия, сплошная демагогия, – как бы про себя, но достаточно громко, чтобы услышали и остальные, сидевшие за столом, отреагировал на заявление Шепилова отец.

– Сталин внес огромный вклад в дело социализма, – Шепилов перешел к тому, что называли тогда «извращениями линии партии», а говоря простыми словами, к преступлениям Сталина: арестам, пыткам, массовым репрессиям. – Ворошить прежние дела, привлекать к ответственности – это значит наносить партии вред.

– Вы предлагаете, – Шепилов уже напрямую обращался к Хрущеву, – чтобы мы сказали народу, что нами руководили убийцы, люди, заслуживающие скамьи подсудимых? Не в интересах нашей партии, мирового коммунистического движения ворошить теперь эти дела. Неслучайно китайские товарищи выработали в отношении Сталина свою формулу: 70 процентов положительного, 30 процентов отрицательного. Они с нами во многом не согласны. От Чжоу Энлая, когда он приезжал к нам, мы слышали много горьких истин. Он считал, что односторонней постановкой вопроса о культе личности мы причиняем ущерб общему делу. Я уже предупреждал товарища Жукова, который и тут, на нашем заседании, продолжает дудеть в ту же дуду. Зачем это нам сейчас? Кому от этого польза?

И это говорил человек, помогавший отцу в написании «секретного доклада», своей рукой вписавший туда не один разоблачительный абзац. Но теперь времена менялись.

Затем Шепилов стал пересказывать, как Хрущев отзывался о Ворошилове, но что конкретно, сейчас уже не узнать. Здесь я остановлюсь, других свидетельств того, что говорил Шепилов на том заседании, мне разыскать не удалось.

Приведу в заключение некоторые отзывы на его выступление, естественно, прозвучавшие после заседания.

– Он оказался грязным склочником и интриганом! – возмущался отец. – Какую гнусную роль сыграл академик Шепилов! На Президиуме ЦК Шепилов начал пересказывать всякие гнусности и неприличные вещи о Ворошилове. Как может порядочный человек позволить себе то, о чем мы говорили доверительно, повторять в присутствии того, о ком говорили? Пусть бы Шепилов повторил то, что я действительно говорил о Ворошилове, это плохо, но допустимо. Шепилов же наговорил такое, чего я никогда не говорил, свои грязные сплетни он выдавал за мои слова. Как это мерзко и низко! Какой я дурак!

– Я знаю его по фронту. Этого человека уважать нельзя. Неизвестно, куда он прыгнет. Шепилов способен на нехорошие дела, – каялся Булганин.

Каганович, посетовав в своих воспоминаниях, что приглашенные на заседание Президиума секретари ЦК, кто более, кто менее активно защищали отца, с удовлетворением отмечает: «Секретарь ЦК Шепилов честно, правдиво и убедительно рассказал Президиуму ЦК про недопустимую атмосферу дискредитации и проработки, созданную Хрущевым в Секретариате ЦК. В особенности Хрущев чернил Ворошилова, как “отжившего, консервативно-отсталого” деятеля. В то же время Хрущев лицемерно оказывал Ворошилову внешне любезность и “уважение”. Шепилов рассказал о ряде неправильных решений Секретариата за спиной Президиума ЦК. Фактически Хрущев превратил Секретариат ЦК в орган, действующий независимо от Президиума ЦК».

Пока в Кремле произносились длинные речи с перечислением реальных и мнимых грехов отца, Серов, Мыларщиков и Чураев звонили, объясняли, рассказывали, убеждали. Большинство периферийных членов ЦК, быстро схватив суть, спрашивали: что делать?

– Как можно скорее приезжать в Москву, собирать Пленум ЦК, – звучал короткий ответ.

Одни добирались самостоятельно, других, особенно из далеких регионов, доставляли на реактивных бомбардировщиках. Их обеспечивал Жуков. Сегодня трудно представить, сколь тяжела была в те годы дорога из Сибири в Москву. Гражданские самолеты летали редко и медленно. Тихоходы Ил-12 и Ил-14 перескакивали с аэродрома на аэродром, из города в город. На тысячекилометровых дистанциях они продвигались не намного быстрее поезда.

Члены ЦК начали появляться в Москве уже утром двадцатого. В основном, москвичи – недавние министры, теперь оставшиеся без министерств, руководящие работники Госплана и других центральных ведомств. В середине дня к ним присоединились представители ближайших к столице областей. Прибывающие прогуливались по коридорам ЦК, обменивались новостями. Мыларщиков, Чураев, Фурцева беседовали с ними, вводили в курс дела. Реагировали по-разному: представители московской бюрократии сочувственно поддакивали, но не более. Ожидать от них большего не приходилось, совнархозную реформу они приняли, но не одобряли, Хрущеву не прекословили, но только пока он сохранял командные позиции. Отец это понимал и даже побаивался, что пока суд да дело, Сабуров с Первухиным могут склонить их на свою сторону. Другое дело глубинка, она от совнархозов выигрывала, поворота вспять не только не приветствовала, но боялась, ее представители, не колеблясь, присоединялись к стану Хрущева. Но пока их еще можно было по пальцам перечесть, и отец не торопился, ждал прибытия основного корпуса членов ЦК. Но чтобы собрать в Москве более двухсот пятидесяти человек, одного дня явно не доставало.

Заседавшие, за исключением отца и его доверенных сторонников, о нараставшей за кремлевскими стенами активности пока не подозревали. После выступления Шепилова Булганин объявил перерыв на обед. Отец не пошел со всеми членами Президиума в кремлевскую столовую, уехал в ЦК. Пусть они там, если хотят, сговариваются за его спиной, у него есть дела поважнее. В ЦК отца дождался Серов.

После обеда выступал Мухитдинов. Он пишет, что брал слово дважды и твердо поддерживал Хрущева. Мухитдинов попенял Кагановичу за его упрек Хрущеву в том, что тот «мотается по стране». Он воспринимал это «мотание» как интерес к делу, внимание к конкретным людям, проявление уважения.

– Лазарь Моисеевич, – говорил Мухитдинов, – в первые годы Советской власти вы приезжали в Узбекистан, работали в Ташкенте, старые большевики помнят вас. Но с того времени появляетесь у нас раз в пять-семь лет, и только за тем, чтобы вас избрали от Узбекистана депутатом Верховного Совета СССР или делегатом на съезд партии. Приезжая, формально посещаете лишь запланированные предприятия. Люди, слушая ваши выступления и реплики, не улавливают вашего интереса к нуждам и жизни республики. В результате – падение вашего авторитета на местах. Вы обвиняете Никиту Сергеевича, что он раздаст заводы, фабрики республикам, ослабляя этим государство. А мы считаем это одной из крупных реформ, которая с удовлетворением воспринята в республиках. Ведь по новому закону наши предприятия раздаются не иностранцам, а советским республикам, и благодаря этому повышается ответственность республик за дела. Неужели не ясно, что чем сильнее, крепче республики, тем могущественнее наше Советское государство в целом? Надо не тормозить, а расширять эту работу, доводить ее до конца.

Третий день непрерывных бдений клонился к вечеру.

«Начиная с конца второго (третьего, если считать вечер 18 июня) дня заседания, то есть 20 июня, был замечен некоторый упадок боевитости членов группы Молотова – Маленкова,

тогда как активность сторонников Хрущева все больше и больше возрастала, да и контрбывинения становились все более угрожающими», – отмечает в своих воспоминаниях Жуков.

К тому моменту выступили члены, кандидаты в члены Президиума и секретари ЦК, многие не по одному разу. Все, что хотели сказать, уже давно высказали, но решения не принимали. Сторонники отца умышленно тянули время, их противники, казалось, боялись остановиться и говорили, говорили, говорили. Все изрядно подустали.

– Давайте решать, – взмолился председательствовавший Булганин. – Какие будут предложения?

– Уже предлагали! – без промедления откликнулся Каганович. – Освободить от поста Первого секретаря.

– И как же? – как бы в никуда, протянул Булганин.

– Правильно, поддерживаем, – загалдели «молотовцы», – голосовать надо.

– Что ж, давайте определяться, – уже увереннее произнес Булганин. – Кто за это предложение?

«Проголосовали, – вспоминает Мухитдинов, – кто выкриком, кто рукой. Трое – Суслов, Микоян, Кириченко рук не поднимали, активно не возражали, свое несогласие выразили молчанием».

Итак, получалось семь против трех, если не учитывать самого Хрущева. Казалось бы, наконец решились и решили, но как оказалось, события только начинали разворачиваться.

– Не имеете права ничего такого решать, – отец грохнул кулаком по столу, маленькие карие глаза не смотрели, кололи взглядом.

В зале наступила тишина, проголосовавшие «за» – большинство – недоуменно переглядывались. Отец того и добивался: огорошить, деморализовать противника, а там переходить в наступление. Так они действовали и в Сталинграде, и на Курской дуге.

– Не вы меня избрали, а Пленум, не вам меня и освобождать, – отец шел напролом. – Я категорически против и не признаю вашего решения!

Снова повисла пауза, «большинство» окончательно растерялось – они же проголосовали, Хрущеву сейчас полагалось каяться, признавать ошибки, он же... Что еще можно предпринять, «молотовцы» себе не представляли. Не милицию же вызывать? Да и как поведет себя милиция, еще вопрос.

– Да, избран Пленумом, – осторожно попытался вырулить первым пришедший в себя Маленков, – но он (Пленум. – С. Х.), образовав данный Президиум поручил ему руководить всеми делами партии. Принятое сейчас решение, конечно, вынесем на Пленум.

Тут Маленков иссяк и смущенно замолчал. Чутко улавливающий нюансы Каганович, еще утром настроенный столь агрессивно, сейчас, набычившись, глядел в угол. Молотов сделал попытку что-то сказать, но не преодолел заикания.

– Конечно, Хрущев не останется без работы, – не очень уверенно произнес Булганин. Ему, председательствующему, теперь приходилось спасать положение, отдуваться за тех, кто втянул его в это дело. – Предлагаю рекомендовать его в министры сельского хозяйства.

Полувопрос Булганина повис в воздухе. Все молчали. Отец протестующе засопел.

– Участок знакомый, – монотонно продолжал Булганин, – он знает и любит это дело.

Отец всем своим видом демонстрировал, что, возможно, он и «любит это дело», но в министры переходить не собирается.

– Ну, как дальше поступим? – растерянно произнес председательствующий.

– Я требую, чтобы меня, для начала, выслушали здесь, на Президиуме! Вы все уже второй день говорите, а ответить мне возможности не дали, – воспользовавшись замешательством отец развивал наступление.

Сникшие после голосования сторонники отца оживились.

– Надо послушать Никиту Сергеевича, – первым откликнулся Кириченко.

– Очень полезно выслушать его, – Мухитдинов поддержал Кириченко.

– Принятое сегодня решение вынуждает меня напрямую, через вашу голову, минуя не только вас, сидящих здесь, но и, если понадобится, подвластные вам армейские и местные партийные организации, обратиться к народу, к армии, рассказать ей правду о том, что здесь происходит, как обстоят дела на самом деле, – с не свойственной ему запальчивостью включился в спор Жуков.

По крайней мере, так воспроизвел его слова Мухитдинов в своей книге.

Подобного поворота событий не ожидал никто, в том числе и отец. Он с любопытством смотрел на Жукова, не на знакомого ему со времен войны генерала Жукова, а на Жукова-политика. Само собой в голову пришло сравнение с иным боевым и удачливым генералом, генералом Бонапартом. Так он, наверное, полтора века тому назад, перед тем как стать императором Наполеоном, разговаривал с французским Конвентом.

Булганин взглядом молил своих союзников о помощи, но тщетно.

– Тогда давайте подготовим развернутый проект постановления, – Булганин нащупывал выход из положения, – запишем в него всё, что говорили, и завтра еще раз обсудим.

Никто не возражал. Для написания решения, а также обращения к народу по случаю перемены власти, избрали комиссию: Маленкова, Кагановича, Шепилова. Последний, человек пишущий, все успеет сочинить к завтрашнему утру. Маленков передал ему свои заметки, в течение последнего заседания он успел набросать в общих чертах резолюцию. Каганович, напутствуя Шепилова, приказал проявить твердость, не рассусоливать.

В восемь вечера Шепилов засел за работу в своем цеховском кабинете, вызвал стенографисток, заказал крепкий кофе. К утру он успеет закончить оба документа: резолюцию и обращение к народу. Их можно будет представить сначала Президиуму, а затем Пленуму ЦК.

Отца такое решение тоже более чем устраивало, тем самым дезавуировались результаты недавнего голосования, завтра все начнется сначала. Начнется-то начнется, а вот чем закончится? Завтра, самое позднее – послезавтра большинство членов ЦК уже прибудут в Москву, и верховная власть перейдет в их руки.

Вечером 20 июня дипломатических приемов не предусматривалось. Из Кремля отец заскочил в ЦК, а оттуда поехал на дачу. Там, прогуливаясь по дорожкам парка, под начинавшими зацветать высоченными старыми липами, его поджидали Мыларщиков и секретарь Горьковского обкома Игнатов. Напомню, Мыларщиков наравне с Чураевым «отвечал» за прибывавших из глубинки членов ЦК. Игнатов же рвался в бой, и он хотел, чтобы отец об этом не только знал, но и «благословил» его. Вот Игнатов и упросил Мыларщикова взять его с собой к отцу на дачу.

Игнатов, как и Шепилов, волей Сталина вознесся на вершину власти после XIX съезда КПСС, вошел в расширенный Президиум ЦК. После смерти вождя из Президиума он вылетел, оказался секретарем обкома в Горьком. Теперь Игнатов так же, как Шепилов, стремился восстановить утраченные позиции. В отличие от Шепилова, Игнатов, трезво оценивая реалии политической жизни 1957 года, твердо поставил на отца и не ошибся.

Услышав стук открывающихся ворот, гости заспешили к площадке позади дома, куда уже подъехал отец. Выйдя из машины, он, широко улыбаясь, шел им навстречу. Выглядел он бодро, совсем не так следовало выглядеть только что снятому с работы человеку. Поздоровавшись и осведомившись, не голодны ли они, и получив ответ, что сыты, отец первым делом, пока не стемнело, повел гостей осматривать посевы. Они располагались между заброшенными прудами, вырытыми цепочкой еще дореволюционным хозяином этого места московским генерал-губернатором, князем Сергеем Александровичем, и забором, отделяющим территорию дачи от доступного всем берега Москвы-реки. Отец каждую весну высевал на даче новую культуру, то чумизу, то просо, – экспериментировал. Теперь все свободное

место заняла кукуруза. Возня с посевами доставляла ему откровенное удовольствие, на огороде он отдыхал после напряженного дня.

Сегодня гостей посевы интересовали мало. Как впоследствии рассказывал Игнатов, бегло осмотрев грядки, он попросил Мыларщикова оставить их наедине с отцом для серьезного разговора. Такая трактовка событий в духе Игнатова, но у меня она доверия не вызывает. Мыларщиков – полноправный член Бюро ЦК по РСФСР, отвечал за всю Россию, а Игнатов – всего лишь один из российских секретарей обкомов. Это потом роли поменяются, когда Игнатов станет членом Президиума ЦК и постарается оттереть Мыларщикова. Скорее всего, отец пригласил их обоих вернуться в дом, там они за столом поговорят и чаю попьют.

Расположились на открытой террасе с видом на Москву-реку. Им принесли чай.

Мыларщиков кратко доложил, кто из вызванных накануне членов ЦК приехал в Москву, кого ожидают этой ночью и кто доберется до столицы завтра или даже послезавтра. Получалось, что 21 июня, в день, на который отец накануне вечером назначил открытие Пленума, наберется достаточно людей для формального кворума, но все еще мало для обсуждения столь важного вопроса, как судьба Первого секретаря ЦК. Мыларщиков проинформировал отца: они побеседовали со всеми наличными членами ЦК, абсолютное большинство на стороне Хрущева, некоторые, речь шла о союзных министрах, месяц назад «сосланных» в совнархозы, колеблются, но открытое сочувствие «молотовцам» высказывать опасаются, выжидают. Опасаться их нечего, увидев, что большинство ЦК за Хрущева, они тут же сориентируются.

Отец удовлетворенно кивнул, он не сомневался в поддержке, со многими, кому предстояло в ближайшие дни решать его судьбу, отец был хорошо знаком не только по сидению в президиумах – с одними воевал, с другими встречался во время поездок по стране на многочисленных совещаниях, при посещении заводов и колхозов. Он понимал их, а им он тоже представлялся своим и понятным. Отец отдавал себе отчет и в том, что ни секретарям обкомов, ни другим аппаратчикам различных рангов и званий, составлявшим большинство ЦК, совсем не улыбалось возвращение сталинских порядков. Главное, им надоело находиться на положении слуг, они сами стремились занять хозяйские кресла. Хрущев им представлялся способным понять и защитить их интересы. Однако одно дело не сомневаться, а совсем другое – услышать слова подтверждения.

Игнатов с трудом дождался, пока Мыларщиков закончит докладывать и, в свою очередь, заверил отца, что секретари обкомов на его стороне, а он, Игнатов, активно с ними работает и, хотя пока переговорил еще с немногими, не сомневается в их поддержке. Игнатов всеми силами демонстрировал, что он находится в эпицентре борьбы. И это правда. За истекший день он получил информацию у Серова и вместе с Мыларщиковым встречал прибывающих членов ЦК. Благодаря своей напористости, даже нахрапистости, он переигрывал Мыларщикова, для многих становился центром притяжения.

Отец слушал Мыларщикова и Игнатова с удовлетворением, он не ошибается, ЦК встанет на его сторону. Он посоветовал Игнатову оформить инициативную группу, как бы альтернативный Президиум, добивающийся немедленного открытия заседания внеочередного Пленума ЦК. Игнатов ответил, что такая группа уже создавалась сама собой, а начать заседание Пленума они смогут прямо завтра, в пятницу, 21 июня, скорее всего, после обеда.

На самом деле новости, принесенные Мыларщиковым с Игнатовым, не были для отца такими уж новостями. После разговора по телефону с Серовым он был полностью в курсе дела. Однако отец не показал гостям своей осведомленности – каждому приятно доложить первым. Отец согласился с Игнатовым, что медлить нельзя, просто опасно, но еще опаснее начать действовать раньше, чем соберется подавляющее большинство членов ЦК. Договорились, что завтра в середине дня инициативная группа – чем больше народу, тем лучше – придет в Кремль и потребует объяснений происходящего на заседании Президиума ЦК. Бес-

препятственный проход в Кремль им обеспечит Серов. Естественно, без скандала не обойдется, пока поспорят, пообсуждают, в Москву успеют приехать члены ЦК из самых отдаленных районов. Пленум ЦК они смогут открыть, в случае крайней необходимости, поздно вечером в пятницу, но лучше действовать без спешки, дожидаться субботы, 22 июня.

Пришла пора расходиться, солнце уже село, на террасе загудели комары. Гости уехали, отец проводил их до ворот и, вернувшись в дом, поднялся на второй этаж дачи в свою спальню.

21 июня – четвертый день бдений Президиума ЦК открылся, как и договорились накануне, выступлением Хрущева. Председательствовал по-прежнему Булганин, но от былой его уверенности не осталось и следа. За ночь он многое передумал, но отступать некуда, все мосты сожжены. Отец держался спокойно, пока еще не обвинителем, но уже и не обвиняемым. Он повторил, что вчерашнее решение Президиума о его отрешении от должности незаконно, не они его выбирали, не им и освобождать. Его слова вызвали вполне ожидаемую ответную реакцию, противники отца, перебивая друг друга, начали возражать; его сторонники, в свою очередь, тоже за словом в карман не лезли – «восточный базар», да и только. Отец в перепалку не втягивался, ждал, когда спадет накал страстей. Происходившее напомнило ему юность, двадцатые годы, Донбасс, жаркие дебаты «сталинистов» с «троцкистами». Тут главное – выдержка, не позволить себе раствориться в споре, дожидаться, пока оппоненты выдохнутся.

Наконец обстановка разрядилась, и отец продолжил выступление. Выступал он уверенно, даже агрессивно, чувствуя за собой силу. Каяться, как в январе 1955 года каялся Маленков, а именно этого от него ожидало «большинство», не собирался.

Повторив всем известные аргументы в обоснование необходимости освоения целинных земель, децентрализации экономики, мирного сосуществования с Западом, он перешел к самому больному: к Сталину, к решениям XX съезда. Отец говорил, что всем надоело жить в постоянном страхе, вздрагивать от каждого стука на лестнице, люди нуждаются в уверенности в завтрашнем дне, в том, что вчерашний день не вернется. Наконец он замолчал, оглядел в последний раз присутствовавших и сел на свое новое место справа от председателя.

С возражениями немедленно выступил Молотов, он почти слово в слово повторил обвинения, озвученные им еще во вторник. За ним начал говорить Маленков, следом – Первухин. Им, в свою очередь, возражали Фурцева и Пospelов, тоже пересказывая свои старые аргументы в поддержку отца. Булганин не вмешивался, по мнению Кагановича, он «демократически вел заседание, не ограничивал ораторам время, давая иногда повторные выступления и секретарям ЦК». Тем временем происходившее все больше теряло смысл. «Молотовское» большинство в Президиуме ЦК оказалось не в состоянии реализовать свое вчерашнее решение об освобождении Хрущева. Отец же продолжал тянуть время. Наступила пора обеда. Булганин с явным облегчением объявил перерыв. Ни до голосования, ни до написанных прошлой ночью Шепиловым резолюции и обращения к народу руки так и не дошли.

После перерыва все пошло по проторенной колее – отцу предъявлялись обвинения, он и его сторонники отбивались.

К этому времени инициативная группа членов ЦК, это о ней отец вчера говорил с Игнатовым, уже насчитывала около двадцати человек. Кроме Игнатова в нее вошли: маршал Конев, секретарь ЦК Комсомола А. Н. Шелепин, заместитель министра иностранных дел Н. С. Патоличев, секретарь Краснодарского крайкома Г. А. Денисов, секретарь Московского обкома И. В. Капитонов и другие. Они взяли на себя функции по решению организационных вопросов по открытию Пленума. Впервые за многие годы Пленум собирался не по указанию Президиума, а по собственной инициативе. В историю они войдут под именем «двадцатки».

Действия «двадцатки» направлял отдел партийных органов Бюро ЦК по РСФСР. Его заведующий Чураев, я о нем уже упоминал ранее, после обеда позвонил в общий отдел ЦК, ведавший делами Президиума ЦК, и попросил помочь товарищам связаться с членами Президиума. Заведующего отделом Малина на работе не оказалось, он все еще болел, и «двадцаткой» занялся заведующий сектором Н. А. Романов. Он сопроводил членов ЦК к дверям зала заседаний Президиума ЦК.

«Где-то около пяти вечера снова выступал Шепилов, раз от разу все более агрессивно, – вспоминает Мухитдинов. – Теперь он обвинил Хрущева в игнорировании Министерства иностранных дел, там-де готовят ему документы, а Хрущев на переговорах ведет свою линию, говорит от себя, ставя тем самым чиновников перед свершившимся фактом. Вслед за Шепиловым я взял во второй раз слово. Не успел закончить, как вошел секретарь и взволнованно доложил: “В приемной находится группа членов ЦК, хотят войти”».

– Кто позволил? – взорвался Булганин. – Нельзя!

– Как это нельзя? – немедленно вмешался Хрущев. – Они же члены ЦК! Растерянный секретарь переминался в двери с ноги на ногу, теребил в руках какую-то бумажку.

– Ну что еще? – зыркнул на него Булганин.

– Вот, товарищ Романов просил вам передать, – робко проговорил секретарь.

– Какой еще Романов? – взревел Булганин. Напутствуемый трехэтажным матом, секретарь вылетел за дверь.

– Не принимает... – жалобно проговорил он и попытался отдать записку Игнатову.

Но не на того напал. Игнатов выразил свои эмоции еще покруче Булганина. Секретарь снова сунулся в дверь. Результат тот же. Такое «перетягивание каната» продолжалось около получаса. Когда секретарь в третий раз попытался вручить послание Булганину, вмешался молчавший до того отец.

– Председатель ведет себя недемократично и просто неприлично, – начал он.

Воспользовавшись моментом, секретарь положил на стол перед Булганиным листок с отпечатанным на нем коротким текстом и с явным облегчением юркнул за дверь.

Булганин начал читать вслух: «В Президиум Центрального Комитета. Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов ЦК такие важные для всей партии вопросы.

В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума.

Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией». Внизу подписи, всего сорок восемь человек.

(В пятницу члены ЦК пошли в Москву, как говорится, косяком, сориентировавшись, они присоединялись к «двадцатке», одни искренне, другие – понимая, что сила не ее стороне.

К тому моменту, когда записка с третьей попытки оказалась в руках Булганина, в дополнение к изначальным двадцати добавилось еще двадцать восемь. А члены ЦК все прибывали. Вслед за первой запиской появилась вторая за двадцатью восемью подписями, затем – еще одна от украинцев, ее подписали шесть человек; на последних трех записках стояло по одной подписи.)

Булганин закончил чтение. Члены Президиума не знали, как реагировать. Впервые за последние два десятилетия, если не больше, они столкнулись с оппозицией. И где? Внутри собственного ЦК, с которым уже давно никто не считался. Тугодум Молотов не мог даже представить, что подобное вообще возможно.

– Я возмутился, – делится своими впечатлениями Первухин, – на меня это произвело ошеломляющее впечатление. На заседание не допустили даже технического секретаря. Я думал, что никто не знает ни о нашем заседании, ни об обсуждаемом вопросе.

«Время шло. Президиум молчал. “Двадцатка” больше не желала ждать, – пишет Мухитдинов. – Двери распахнулись, в зал вошли человек пятнадцать-двадцать. Я бросил на них взгляд, узнал лица некоторых ответственных сотрудников ЦК, работников КГБ и МВД. Впереди – Серов».⁴⁵

– Кто тут у вас во главе? – набросился на Серова Булганин.

«В зале поднялся крик, раздались возгласы: “Раскольники, фракционеры! Это неслышанно!” Больше других возмущались Молотов, Ворошилов, Сабуров, Первухин и Шепилов. Маленков с Кагановичем не вмешивались».

Изворотливый Каганович все понял, надеяться оставалось только на чудо. Он даст свою оценку происходившему, правда, спустя много лет, когда отца уже не будет в живых и события 1957 года станут историей: «Хрущевский Секретариат ЦК организовал через ГПУ (то есть КГБ) и органы Министерства обороны тайно от Президиума вызов членов ЦК в Москву. Сделали это, не дожидаясь какого-либо решения Президиума по обсуждаемому вопросу. Настоящий фракционный акт, ловкий, но троцкистский».

Серов не обратил на устроенную ему обструкцию ни малейшего внимания.

«Третьи сутки происходит что-то непонятное, – приводит Мухитдинов слова Серова. – Президиум непрерывно заседает, и мы, члены ЦК, хотим знать, что вы здесь обсуждаете. Мы, члены ЦК, оказали вам доверие, избрали в Президиум, а вы закрылись от всех и неизвестно о чем говорите. Москва полнится слухами, начинается резонанс за рубежом. Требуем объяснить, что происходит. Ни один вопрос, входящий в компетенцию Пленума, не должен решаться за спиной членов ЦК. Мы не уйдем, не получив ясного ответа!» – ультиматум Серов хорошо продумал и, похоже, отрепетировал.

Правда, без санкции Президиума «двадцатка» пока тоже не решалась самостоятельно открыть заседание Пленума.

– Как вы смеете? – прорычал Булганин, стуча кулаком по столу. Такой прыти от него никто не ожидал. – Нам ясно, кто собрал вашу группу. Сейчас же расходитесь, не мешайте работать! Все, что надо, объясним не вам, а Пленуму.

Его смахивающая на истерику тирада не произвела на вошедших ожидаемого впечатления.

– Мы – члены ЦК и хотим знать правду, – маршал Конев вышел из толпы и встал рядом с Серовым.

– Повторяю: расходитесь, – не унимался Булганин. – Приходите после шести, когда заседание закроется. Тогда и поговорим, сейчас вы нам просто мешаете работать.

– Это Хрущев все устроил! Никита, я тебе верил, а ты вот как поступаешь! Сейчас они пришли! А там нас танками окружат, – сорвался на крик вконец перепугавшийся Сабуров.

– Сейчас они нас начнут арестовывать, – истерически выкрикнул Шепилов.

– Что вы выдумываете! – отпарировал отец.

– Под Москвой появились танки, – Сабуров уже не владел собой.

– Какие танки? – вмешался в разговор Жуков. – Что вы болтаете, Сабуров? Танки не могут подойти к Москве без приказа министра, а такого приказа я не отдавал.⁴⁶

Отец внимательно посмотрел на Жукова. Ответил он хорошо, но что-то в словах министра обороны настораживало. Сабуров умолк. Маленков понял первым: ситуация с каждой минутой становилась все глупее и, что хуже, – опаснее.

⁴⁵ Другим свидетелям запомнился не Серов, а маршал Конев.

⁴⁶ Известно множество версий этого, ставшего знаменитым, эпизода. Я привожу, на мой взгляд, самую достоверную из них, рассказанную самим Жуковым.

– Не надо обострять, – начал он вкрадчиво. Что-что, а уговаривать Маленков умел. – Давайте поручим Ворошилову выйти вместе с товарищами в приемную и объяснить им, что обсуждает Президиум.

Выбор оказался неудачным, даром убеждения Ворошилов не обладал. Видимо, Маленков понадеялся на «магию» титулов, а главное, ни он, ни его союзники, не осознали до конца, что происходит. Казалось, стоит прикрикнуть, и все вернется на свои места. Непростительная ошибка, свойственная властителям в период всех революций, больших и маленьких. Они не замечают мгновения, когда власть ускользает из их рук, оставляя после себя лишь пустую хрупкую оболочку.

– Верно, давай, Клим, выходи и объясни товарищам, – Булганину явно понравился подсказанный Маленковым выход из положения.

Ворошилов уже у дверей начал честить «двадцатку» отборной бранью. Он напомнил помещика-крепостника, вышедшего усювестить взбунтовавшихся холопов. Соображал он явно медленнее Маленкова и даже Булганина.

– Я тоже выйду и расскажу товарищам всю правду, – поднимаясь с места, почти миролюбиво произнес Хрущев. – Пусть они знают, кто и чем здесь занимается. Партия должна все знать. Вы сидите, продолжайте.

Дверь за отцом затворилась.

Мухитдинов характеризует состояние отца по-иному, он пишет, что «от волнения Хрущев покраснел, дрожал, даже пошатывался».

Скорее, его ощущения следует отнести не к третьему, а к первому дню заседания, когда Мухитдинов только приехал, и когда еще ничего не определилось, и у них, как пишет Жуков, «имелись опасения, что группа Молотова – Маленкова может всех нас арестовать, к чему имелись некоторые основания. К примеру, количество офицеров охраны у Булганина, Молотова, Маленкова и Кагановича в первый же день резко увеличилось. Возникает вопрос, для чего это делалось?»

Страхи маршала я не разделяю. Как «молотовцы» могли предпринять что-то подобное, если Председатель КГБ Серов с первой минуты стоял на стороне отца? Хотя опасности ареста и не существовало, но в первый день от неожиданности отец мог и разнервничаться. Но теперь... Отец знал, что «двадцатка» придет сегодня и именно после обеда. С чего ему нервничать? Мухитдинов явно напутал.

Тем временем из приемной доносились громкие голоса. Судя по всему, пришедшие наседали на Ворошилова, тот – то ли отбивался, то ли оправдывался. Страсти разгорелись не на шутку. Делегаты требовали от Ворошилова немедленного созыва Пленума.

– Через две недели, – брякнул в ответ Климент Ефремович, – нам нужно время, чтобы во всем как следует разобраться. Президиум имеет право заседать, сколько считает нужным, хоть четыре, хоть двадцать два дня. Какое вам до этого дело?

Откуда взялись эти двадцать два дня, Ворошилов, когда его начали расспрашивать на Пленуме, объяснить не сумел. Видимо, просто сорвались с языка.

– Какие две недели? – ответ Ворошилова вызвал еще большее негодование. – Соберите Пленум немедленно, или мы соберем его без вас!

– Вы что себе позволяете? – Ворошилов окончательно вышел из себя. – Ведете себя, как зиновьевцы или, хуже того, троцкисты, сколачиваете фракцию. Да кто вы такие? Скоро дело дойдет до того, что, по примеру Троцкого, кто-то где-то на заводе соберет 500–600 коммунистов и приведет их к нам. Безобразие.

Последние слова вызвали настоящий взрыв. Ворошилова атаковали с разных сторон. Отец стоял поодаль, наблюдал, в свалке не участвовал, «двадцатка» прекрасно обходилась без него. Тем временем оставшиеся внутри зала заседаний его противники и сторонники гадали, что происходит снаружи.

– Давайте прекратим дискуссию. Все можно решить миром. Не надо никого делать жертвой. Пусть Никита Сергеевич и дальше работает, – так передает Мухитдинов слова откровенно струсившего Маленкова.

– Верно, – Каганович с готовностью поддержал Маленкова, – давайте заканчивать это дело.

– Я видел, как изменились лица у Маленкова, Кагановича и Шепилова. Произошло быстрое превращение этих товарищей из львов в кроликов, – иронизирует Аристов. – Молотов, опытный политик, сохранял холодный взгляд.

Булганин сидел на председательском месте отрешенно, упершись глазами в столешницу. О чем он думал? О чем сожалел? И сожалел ли о чем-либо?

К «двадцатке» же продолжало прибывать подкрепление. Дверь в приемную то и дело открывалась, к секретарям обкомов присоединились министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, Заместитель председателя Совмина Дмитрий Федорович Устинов, министр авиационной промышленности Петр Васильевич Дементьев, а вслед за ними еще человек десять-пятнадцать. Ни Устинова, ни Дементьева, ни даже Громыко к сторонникам отца я бы не отнес, все они сделали карьеру при Сталине, на костях репрессированных предшественников. Их появление означало, что московская бюрократия оценила расстановку сил и спешила присоединиться к победителям. Так продолжалось примерно полчаса. Становилось все более очевидным, что в стоячку дело не решить. Отец предложил Игнатову зайти в зал заседаний, договориться о процедуре дальнейшего ведения переговоров. Собравшаяся в приемной толпа одобрительно загудела. Игнатов, а вслед за ним Ворошилов с отцом вернулись к ожидавшим их членам Президиума. Кто-то предложил открыть Пленум незамедлительно, пусть Хрущев сделает на нем сообщение о происходящем в Президиуме. Снова поднялся невероятный шум. Улучив момент, Микоян выступил с компромиссом: Президиум ЦК выделит представителей, к примеру, четверых, и они постараются уладить дело с членами ЦК. Дверь в приемную поминутно открывалась, в нее заглядывали любопытные головы и одновременно проникал угрожающе нарастающий шум. Наконец договорились выделить по два человека от каждой из противоборствующих сторон: Булганина с Ворошиловым и Хрущева с Микояном. На время переговоров Президиум ЦК переместился в соседнюю комнату, поменьше. Зал заседаний оккупировали члены ЦК. Их количество все возрастало, кворум давно набрался, впору Пленум открывать.

«Мы сидели в соседней комнате, не шевелясь, не глядя друг на друга. Так продолжалось не менее часа, – пишет Мухитдинов. – Наконец Ворошилов, Хрущев и другие переговорщики вернулись».

– Мы сказали им всю правду, – начал с порога Хрущев. – Клименту Ефремовичу пришлось оправдываться перед членами ЦК. Все происшедшее не вписывается в рамки Устава партии. На Пленуме разберутся.

– Правильно, – поддержали Хрущева его сторонники, – давайте созывать Пленум.

Хрущев сказал, что договорились открыть Пленум завтра, в 2 часа дня. Молотов не согласился, он считал, что Президиум обязан представить Пленуму свое мнение, и его следует изложить на бумаге. Молотова никто не поддержал, даже председательствовавший Булганин никак не реагировал на его слова.

«Булганин сидел молча, – отмечает Мухитдинов, – инициатива перешла в руки Хрущева».

– Пошли, Клим, выйдем и расскажем, о чем мы тут договорились. Пленум соберем завтра, – обратился отец к Ворошилову.

Члены Президиума, кто совсем тихо, кто чуть погромче, выразили свое согласие.

Тем временем собравшаяся в зале заседаний Президиума «двадцатка» выросла до ста человек, настроение у них становилось все решительнее. Вскоре в комнате, где теснились члены Президиума ЦК, появился Игнатов. Вслед за ним вошли Хрущев с Ворошиловым.

– Или Президиум собирает Пленум немедленно, или Пленум открывает свое заседание самостоятельно и приглашает членов Президиума с отчетом в Свердловский зал Кремля, – проинформировал Игнатов. Ему очень нравилось демонстрировать свою власть и решительность.

Заседание Президиума ЦК продолжилось в боковой комнате уже в его присутствии и при его участии. К тому моменту Булганин освободил председательское кресло. Отец привычно занял свое место.

– О чем будем говорить? – отец с усмешкой смотрел на своих оппонентов.

В зале повисло молчание. Молотов попытался вернуться ко много раз повторенным обвинениям Хрущева, но уже без былого задора, по инерции, и, не получив поддержки, смешался, начал заикаться и умолк.

Шепилов сидел нахохлившись, с посеревшим лицом: еще бы, это надо так опростоволоситься.

– Несмотря ни на что мы обязаны продемонстрировать единство, – осторожно начал Маленков. – Это важно не только для нашей партии, но и всего мирового коммунистического движения. Мы откровенно поговорили, поспорили, порой очень резко, теперь давайте согласованно, единой позицией всего Президиума, без ненужной групповщины выйдем на Пленум ЦК.

Маленков сделал паузу, ожидая реакции, но ее не последовало.

– И еще, партия основана на критике и самокритике, – продолжил Маленков, – за нее нельзя преследовать, такова наша принципиальная позиция, давайте обойдемся без мести.

– Без мести, – поддержал Маленкова Шепилов, – посмотрите на китайских товарищей, они своих товарищей за совершенные ими ошибки, за их недостатки не только не исключают из партии, но и из руководящих органов не выводят.

– Что же, ваша позиция ясна, – выдержав паузу, произнес отец. – Наверное, и решение уже подготовили? Не зря же вчера вас троих в комиссию выбирали.

В его тоне сквозила явная издевка.

– Не писали никакого решения, Никита Сергеевич, – вопреки логике и здравому смыслу, неуверенно, я бы даже сказал жалобно, отозвался за всех Маленков. Он впервые назвал отца по имени и отчеству. Знакомые уже более двадцати лет, с середины 1930-х годов, они звали друг друга по имени: Никита, Георгий. Обращение по имени-отчеству прозвучало как сигнал безоговорочной капитуляции и одновременно как мольба о пощаде.

– Как это не писали? – возмутился сидевший рядом с Игнатовым Мыларщикова. – Шепилов вчера в восемь вечера забаррикадировался на пятом этаже ЦК, оккупировал всех стенографисток, парализовал всю остальную работу.

– Клевета. Дикая фантазия, – взвизгнул Шепилов. – После возвращения из Финляндии Никита Сергеевич поручил мне сделать доклад, выступить на совещании руководящих кадров общественных наук.

Действительно, такое совещание состоялось, и на нем с вступительным словом выступал кандидат в члены Президиума и секретарь ЦК Шепилов, но не 21 июня, а 14–16 июня 1957 года.

– Я должен был выступить на совещании... – голос Шепилова дрожал, – никаких стенографисток не вызывал. Это можно проверить. Я работал на даче и по телефону продиктовал текст выступления по вопросам теории. Это же все неверно. У девушек-стенографисток можно все проверить.

– Они с Маленковым готовили резолюцию, – вставил свое слово Суслов. – Маленков начал писать ее на заседании.

– Это абсолютный вздор. Я писал совсем не то, – забеспокоился Маленков.

– Как не то? Я тебе тогда же говорил, зря ты резолюцию пишешь, – перебил его Микоян.

– Я выступления товарищей на Президиуме записывал, кто что сказал, – оправдывался Маленков.

– Для чего записывал? – спросил кто-то. Маленков не ответил.

– Резолюцию вы, товарищ Шепилов, писали или нет? – воспользовавшись паузой продолжил допытываться Суслов, понимавший, что ему представился уникальный шанс уничтожить своего конкурента, набравшего силу на ниве пропаганды.

– Не давал мне лично никто такого поручения, – окончательно сник Шепилов и обреченно добавил: – не привлекался и не писал.

– Я – Первый секретарь ЦК и буду докладывать на Пленуме обо всем, что здесь произошло, – отец сделал вид или на самом деле не обратил внимания на перепалку о резолюции. – Вы все тоже изложите свою позицию. Товарищи заслушают нас и примут решение.

«То есть вместо вопроса “О неудовлетворительном руководстве Первого секретаря ЦК Хрущева” на Пленуме ЦК поставили абсолютно противоположный, надуманный вопрос “Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова”», – задним числом возмущается Каганович.

– Давайте голосовать, – жестко произнес отец.

Проголосовали единогласно и всем Президиумом перешли из боковой комнаты в зал заседаний. Там их уже ждали.

– Для волнений нет ни малейших оснований, – успокоил отец делегатов. – Пленум открывается завтра, 22 июня в 2 часа дня, по внутрипартийному вопросу.

Зал заседаний Президиума опустел. За столом оставались только участники уже закончившихся многодневных дебатов, но чем заняться теперь, они себе не представляли. Отец же закрывать заседание не спешил. Молчание, ставшее мучительным, снова прервал секретарь, он передал отцу какую-то записку.

«Хрущев надел очки, – Мухитдинов описывает происходящее до мельчайших деталей, – прочитал... “Это от Брежнева, – произнес Хрущев, – вот что он пишет...” – и начал читать записку.

В записке говорилось (Мухитдинов воспроизводит ее по памяти. – С. Х.), что Леонид Ильич глубоко сожалеет, что заболел. Он полностью поддерживает Никиту Сергеевича, считает, что последний должен оставаться Первым секретарем, осуждает поведение заговорщиков, предлагает вывести их из состава Президиума и строго наказать.

Никто не сказал ни слова, но думаю, все будто заново увидели истинное лицо автора. Поразила его осведомленность о происходящем, вплоть до последних часов. Эта весьма своевременная поддержка опять изменила мнение Хрущева о Брежневе и опять перед ним открылась дорога наверх».

Очень интересное свидетельство Мухитдинова. Мне же Брежнев всегда представлялся стойким и последовательным сторонником отца, по крайней мере, до 1964 года. Оказывается, я ошибался.

В шесть часов вечера, как и в предыдущие дни, председатель, теперь уже не Булганин, а Хрущев, объявил заседание закрытым. Отец предложил встретиться завтра прямо на Пленуме в два часа дня в Свердловском зале Кремля.

Никаких протокольных мероприятий на вечер 21 июня не планировалось, и из Кремля отец отправился в ЦК. За ним потянулись его сторонники. Им следовало условиться насчет завтра, к тому же у отца за два вынужденных дня «простоя» поднакопились неотложные дела.

Оппонентам отца тоже надо было определяться с завтрашним днем. Они привычно собрались в Кремле, в кабинете Булганина.

Завершив дела и распрощавшись с посетителями, отец решил позвонить из ЦК Булганину. Ему очень не хотелось терять старого друга, они вместе уже двадцать с лишним лет. Тогда Николай директорствовал на Московском электрозаводе, а его, Хрущева, сделали секретарем райкома. Так они и шли по жизни, отец чуть впереди, Булганин – за ним в кильватере. И тут такое... Что же касается обид... За свои неудачные шуточки отец готов извиниться. Он набрал номер кремлевского кабинета Булганина.

Николай Александрович откликнулся после первого гудка, но, узнав голос отца, сник. Он не один, сообразил отец. Кто может в такой час сидеть у Булганина в Кремле, особой загадки не составляло, но отец решил прояснить все до конца.

– Николай, это я, Хрущев, хотелось бы поговорить, – бодряческим голосом начал отец. Булганин засопел в трубку.

– Ты один? – ставил точки над «и» отец.

– Нет, – Булганин еще сильнее засопел и выдавил, – у меня Молотов, Маленков, Каганович.

– И чем же вы занимаетесь? – желание договариваться со старым другом у него пропало.

– А-а-а, – протянул неуверенно Булганин, – мы собрались, собрались... Отец, не попрощавшись, положил трубку. Примирения не получилось.